

КАЗАЧИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ

СБОРНИК

№ 1

RECUEIL LITTÉRAIRE

KAZAKS

ПАРИЖ

ДЕКАБРЬ 1961 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
МАЛОДЕЛЬСКАЯ СТАНИЦА. Повесть. И.Б. ТАПИЛИН (†)	1
ПОСЛЕ ВОЙНЫ. Повесть. М.И. ГАВРИЛОВ	12
НА ЧЕРНОЙ РЕЧКЕ. Повесть "Казачи Ермаковы". П.А. СОКОЛОВА	18
БЫЛОЕ. Поэзия. М.И. ГАВРИЛОВ	21
БУДУЩЕЕ. Поэзия. М.И. ГАВРИЛОВ	25
РОМАН ЛАЗАРЕВ. Из воспоминаний. П.Ф. КРЮКОВ	26
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ.	
ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ ВСЕВЕЛИКОГО ВОЙСКА ДОНСКОГО	33
ОТ РЕДАКЦИИ	40
ДОНСКОЙ ВОЙСКОВОЙ ГИМН	41
ДРЕВНЯЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОСТИ. Необходимые пояснения. П.Ф. КРЮКОВ	41
КАЗАЧЬИ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ:	
ПЕСНИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ	44
ПЕСНИ ДОНСКИХ КАЗАЧЕК	46
КАЗАЧИЙ ЮМОР:	
"ДРАЖНЕНИЯ" СТАНИЦ	49
ОТ РЕДАКЦИИ	50

РЕДАКЦИЯ "КАЗАЧЬЕГО ЛИТЕРАТУРНОГО СБОРНИКА"
ПОЗДРАВЛЯЕТ ВСЕХ КАЗАКОВ И КАЗАЧЕК С ПРАЗДНИКАМИ
РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА И НОВЫМ ГОДОМ.

С НОВЫМ ГОДОМ ! С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ !

Принимается подписка на орган культурной мысли

"КАЗАЧИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИК".

Сборник выходит четыре раза в год.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: На I год во Франции 14,00 фр.
На I год за границей 4 доллара

В РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖЕ:

Цена одного экземпляра : во Франции 3,50 фр.
за границей 1 доллар.

Rédacteur-Gérant : P. Krukoff.

Dépôt d'édition : Mr. D. Bratchikoff -- 18 rue Wurtz, PARIS 13e France

" КАЗАЧИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИК. "
" RECUEIL LITTÉRAIRE KAZAKS. "
" "

№ I.) Декабрь. 1961 г. Париж. (№ I.

МАЛОДЕЛЬСКАЯ СТАНИЦА.

(Из воспоминаний).

I.

Таких станиц, как Малоделовская, много на Дону. Их называли глухими. Случайно, или по делам службы, попавший в такую станицу какой-нибудь чиновный интеллигент, пройдя по улице и не встретив празднующихся на ней людей, размышлял: - "Какая глушь!.. Ужасная провинция!.." - Так, по крайней мере, говорило выражение его лица.

Вот в эту глухую станицу я был назначен учителем, куда и прибыл в начале февраля месяца 1904 года.

Малоделовская станица расположена в четырех верстах от реки Медведицы. В весенний разлив реки полая вода доходит до самой станицы, поэтому она и ушла так далеко от Медведицы.

- "Куда же вас сгрузить: на въезжую или в правление?" - спросил меня ямщик, когда мы въезжали в станицу, как, казалось мне, в какой-то кутор.

- "Езжай к церкви, а там спросим," - ответил я и подумал:

- "Действительно, где-же мне сгрузиться?" -

Мы въехали на площадь.

Среди площади стояла церковь; кругом неа весь город, как на ладони: школа, станичное правление, три лавки и с пяток домов, крытых железом.

- "Езжай к школе," - приказал я ямщику.

Он почему-то переспросил меня:

- "К училищу?" -

- "Да, туда." -

Пока я доехал до школы, на площади, до того казавшейся мне совершенно мертвой, появились признаки жизни: с крыльца одного дома кто-то помахал мне рукой; из двух лавок вышли какие-то люди и все показывали в мою сторону, как будто о чем-то заспорив; около станичного правления стоявшие кучкой казаки, казалось, хотели выстроиться в одну шеренгу. Появление земской подводы с неизвестным лицом оживило площадь.

На пороге училища меня встретил старший учитель, Андрей Семенович Болдырев.

- "А я вас жду: когда-же мой помощник приедет?" - знакомясь со мной, говорил Андрей Семенович, приглашая в свою квартиру.

Я взял свой багаж, состоящий из одной небольшой корзинки, дал ямщику три копейки на чай, за что он поблагодарил меня, сказав:

- "За ваше здоровье, господин барин!" -

Квартира заведующего училищем находилась тут-же при училище и состояла из одной комнаты, где жил Андрей Семенович со своей женой и двумя малыши детьми.

- "Я вчера получил акт из Усть-Медведицы от инспектора; он пишет, что в Малоделовское приходское училище назначен вторым учителем Иван Еремеевич Тапилин. О его прибытии сообщите.

Так это - вы, значит, Иван Еремеевич?" - спросил меня Андрей Семенович и познакомил меня со своей женой, Анной Дмитриевной.

- "Эй, ты, арбуз!" - позвал учитель своего сына.

- "А ну, скажи дяде, кто ты такой?" -

Четырехлетний "арбуз" отрекомендовался:

- "Я - Андей Андейч Больдин." -

Я взял за руку "арбуза" и он разом стал рассказывать о своих книжках, игрушках и проделках кошки.

- "А ты кто такая?" - спросила Анна Димитриевна свою двухлетнюю дочь.

- "Тана," - ответила дочь и подала мне руку.

И так, я очутился в семейном доме. Мне стало легче на душе, а то я всю дорогу думал: - "Куда я еду? Да какие там люди? И как я буду тут жить?" -

Андрей Семенович вкратце рассказал мне о состоянии училища, в котором было восемьдесят учеников-мальчиков, а девочки учились в церковно-приходской школе.

- "Про станицу одно могу сказать, что особенного тут ничего нет, как и во всех наших малых, глухих станицах," - сказал он и добавил:

- "Вот прослужите тут, как я, годков пять, так все узнаете." -

На квартиру я устроился у прогоревшего местного купца, Степана Гавриловича Маслова.

За его долги у него было продано все имущество. Ему был оставлен дом с подворьем, в котором он жил со своей женой и семнадцатилетней дочерью.

Степан Гаврилович, пятидесятилетний мужчина, с кудрявой седой головой и рыжеватой бородой, наверно был когда то ухарь-купец; так, по крайней мере, чувствовалось в его жестах, движениях и манере говорить.

В первые же дни моего пребывания в его доме он поведал мне следующее:

- "Теперь я произошел ни во что. А бывало иду по улице, так мне все шапки ломают и говорят: - Как ваше здоровье, Степан Гаврилович? Как идут ваши дела? - А теперь, когда у меня пустой карман, так от меня все рыла воротят... Не узнают..."

А почему я пропал? Все через свою доброту. Бывало придет ко мне в лавку бедный казак, а лавка то была большая, всякого товара было полно, вот и начнет бедняк просить: - Степан Гаврилович, сделай милость, дай мне товару до нового урожая. -

Верил и давал. Но народ то теперь пошел нечестный, жулик; почти всю лавку в долг раздал, а получать то оказалось и не с кого.

Вот и довели меня до сумы... Ну, погодите!" - пригрозил кому-то Степан Гаврилович, - "Даст Бог - вывернусь, тогда навешу кошелек с деньгами на костыль и пойду по улице, и когда начнут мне кланяться, я скажу: не мне вы кланяетесь, а моему кошельку. Вот что..." -

Степан Гаврилович иногда рассказывал мне про некоторых граждан станицы, называя их - мошенник, картежник, пьяница...

Про самого же Степана Гавриловича тоже поговаривали в станице, что он любил покутить, покуражиться, зря бросал деньги.

- "Вот и дофорсился... Тоже - гусь..." -

- "Вы уж, господин учитель, за квартиру платите мне," - просила жена Степана Гавриловича, Мария Петровна, - "а то Степан Гаврилович, как получит деньги, так и норовит их растратить зря, не по хозяйски..." -

Мария Петровна рассказывала мне о своей когда то хорошей жизни.

- "Дом то был - полная чаша, а теперь во всем недостаток." -

Особенно беспокоила Марию Петровну судьба ее дочери Вали.

- "Ну, за кого ее отдашь без приданного? Разве только за сапожника или портного... А ведь она у нас хорошая хозяйка и ученая, церковную школу окончила." -

Я чувствовал, что попал в обездоленную семью.

Разговоры Степана Гавриловича о неизвестных мне мошенниках, картежниках, пьяницах и жалобах Марии Петровны на свою печальную судьбу рас-

страивали меня; я уже думал переменить эту беспокойную квартиру, но, сознание того, что мои десять рублей, которые я платил за стол и квартиру, оказывают какую-то помощь моим хозяевам, я претерпелся и прожил у Масловых до летних каникул.

II.

Итак началась моя новая жизнь и работа в глухой станице.

Училищное здание было старое, вроде какого-то длинного амбара с четырьмя перегородками. Ученики были размещены в двух классах, сидели тесно за длинными партами. В классах всегда был спертый воздух, пыль и грязь. Прозанимавшись только первые две недели, я приходил с уроков с головной болью, с плохим настроением. Все-же я с усердием принялся обучать вверенный мне второй класс, в котором было двадцать пять учеников. Сознание того, что я должен научить своих питомцев читать, понимать прочитанное, решать задачи, учить стихи и басни, петь молитвы и песни, быть послушными, не лениться, не лгать и прочее, - все это заставляло забывать личные мои неудобства.

- "Учитель призван к высокому званию: к работе над душой ребенка!" - внушали мне мои педагоги.

- "Вы еще молодой, неопытный учитель," - говорил мне Андрей Семенович.

- "Вы в первый раз видите учеников и наверно думаете, как вам с ними поступать? что делать?"

Я хочу вам дать несколько практических советов. За мою службу, а учительствую я десять лет, я вывел заключение, которое расходится с книжными правилами педагогики, то-есть, ребенок-ученик какое-то святое существо; это - тесто, из которого можно вылепить нужную вам фигуру.

Все это не совсем так.

Вот перед вами двадцать пять мальчиков, думаете слятых?

Нет. Они все разные: есть умные, есть глупые, непослушные, прилежные и ленивые, злые и добрые...

Одно можно заметить, что наблюдение за воспитанием своих детей у казаков есть и это облегчает задачу учителя. Мальчишки-ученики должны вас не то, чтобы бояться, а слушаться и повиноваться. В одном воинском уставе есть ценное правило: не упускать проступков без замечания.

Я думаю, это правило применимо и в школе.

Потом вы сами, на практике убедитесь, как должен поступать учитель, чтобы его школьная работа не была трудной, а плодотворной.

Иногда мальчишку приходится подхлестнуть, отодрать за уши, оставить без обеда... Все эти неписанные правила педагогики бывают весьма полезны." -

Я со вниманием слушал поучения моего опытного коллеги и, надо сказать, что некоторые из его "неписанных" правил мнегодились.

В первую же неделю моего пребывания в Малодельской станице, Андрей Семенович предложил мне представиться начальству.

Единственным начальником в станице считается станичный атаман, к нему и пошли мы с Андреем Семеновичем.

Дорогой в станичное правление он дал мне краткую характеристику личности атамана, урядника Ивана Яковлевича Давидова.

- "Наш станичный атаман," - говорил Андрей Семенович, - "можно сказать, человек природного ума и врожденного благородства.

Я побывал в трех станицах, насмотрелся там на их порядки, на служебный персонал правления и могу сказать, что Иван Яковлевич выделяется из них.

Он окончил только наше училище, но запомнил, что ему говорил учитель: - Надо не бросать книжек, а всю жизнь по ним учиться..."

Он так и поступает: выписывает газету, читает книги, имеет пособия по сельскому хозяйству... В станице он пользуется полным авторитетом.

Благодаря своей скромности, говорит иногда: - Я - человек необразованный и с вашим братом учением мне не равняться... " -

Атаман принял нас в своем кабинете.

Прежде всего он спросил меня: казак ли я и какой станицы?

После еще некоторых вопросов он позвал к себе весь штаб своего

правления: писарей, казначея, обоих своих помощников.

- "Вот, госода, наш новий учитель, Иван Еремеевич, казак Усть-Медведицкой станицы." -

Визит наш был официальным и коротким.

Когда мы вышли из правления, Андрей Семенович сказал мне:

- "Вообще все правление - ребята хорошие. А вот с нашим священником вы сами познакомитесь. Кстати надо сказать, - наш священник, отец Григорий Андреев, человек гордый, мнит себя главным лицом в станице. Но он не без талантов: хорошо играет на рояле, распевает оперные вещи, имеет домашнюю библиотеку, не лишен ораторского таланта. Его проповеди с церковного амвона производят сильное впечатление. Прихожане его боятся. Словом, отец Григорий резко выделяется из среды сельских священников. Его матушка, Елизавета Петровна, тоже неопустившаяся попадья, а скорей светская дама. Они уже не молодые люди; у них старший сын учится в духовной семинарии, двое - в духовном училище и один в вашем классе.

Жизнь они ведут замкнуто, но любезны и хлебосольные хозяева.

Нашего брата учителя отец Григорий считает вроде какими-то недоучками, но все же отдает должное нашему званию и нашей работе." -

После, у себя на квартире, за семейной чашкой чая, Андрей Семенович продолжал давать свою характеристику местной интеллигенции.

- "Вот наш дьякон, отец Алексей и его матушка, Анна Семеновна, - настоящие старосветские помещики. Они обрадовались вашему приезду." -

- "Да ведь я их еще не видел," - сказал я.

- "Ничего, вся станица уже знает о вашем приезде..."

Дьякон спрашивает: играет ли молодой учитель в преферанс?" -

- "Да, я играю," - подтвердил я.

- "Вот и хорошо, а то мы с ним все больше "с болваном" играем и это как-то куцо выходит; при чем игра без денег, а так, - на самолюбие, лишь бы время коротать.

Про местных купцов ни плохого, ни хорошего сказать нельзя; купцы всюду одинаковы.

Только семья купца Обоймакова, можно сказать, - интеллигентная.

Два его старших сына окончили реальное училище в Царицыне. Оба они женаты на интеллигентных женщинах. Всю торговлю ведут эти сыны, а отец-старик ходит по станице с векселями и пугает должников передать дело в суд, если долги не будут уплачены. Но долги уплачиваются туго и торговля идет к упадку.

Остальные четыре купца, можно сказать, - провинция, простота." -

После небольшой паузы Андрей Семенович продолжал:

- "Конечно, Малоделская станица - порядочная глушь, но вот я первый год учительствовал в Старогригорьевской станице, так это действительно - настоящая глушь.

Станица эта небольшая, заброшенная в какой-то угол, куда ни путей, ни вестей не доходит.

Я сам Клетской станицы. Наша станица считается после Усть-Медведицы лучшей станицей в округе; в ней есть больница, мировой суд, двухклассное училище, аптека, десятка полтора лавок, хлебная ссыпка, агрономическая станция.

А наш станичный атаман, Семен Васильевич Макаров, из учителей, известен чуть ли не на всю область за свои проекты по земельному устройству Дона. В станице было много интеллигенции, устраивались спектакли, вечера, летом пикники... Словом, жилось хорошо.

Но вот, когда я к началу учебного года прибыл в Старогригорьевскую станицу, то разом почувствовал глушь, заброшенность.

Остановился я на въезжей квартире, в доме казака и спрашиваю хозяина: - Где у вас станичное правление?

- А тебе зачем это? Ты кто такой? - спросил хозяин.

Я сказал, кто я и зачем приехал.

Хозяин как-то с недоверием посмотрел на меня и сказал: - Стал быть так... -

К чему он сказал это, я не понял и пошел в указанное станичное правление представляться начальству. Около станичного правления был весь сор, валялись обрубки деревьев, на которых сидели бородатые казаки. При моем приближении они встали. Я поздоровался с ними, на что они сняли шапки и ответили: - Здравие желаем, ваше благородие! -

На мой вопрос, где находится станичный атаман, - один казак ответил: - А ты иди в помещению. -

Я вошел в комнату атамана (это был небольшой старик, с седыми волосами и такой же бородой) и отрекомендовался.

Атаман передвинул очки на лоб, посмотрел на меня и сказал: - Ага, так ты учить детей приехал? Ну, что-ж, начинай, учи... -

Я стал говорить ему, что детей надо собрать, устроить порядок в школе...

- Ничего, голубчик, это тебе все сделает Сафрон Зотич. -

В последствии оказалось, что Сафрон Зотич, помощник атамана, во всем мне помогал. Это был весьма дельный урядник и его в станице больше боялись, чем атамана.

От атамана я пошел к местному священнику, почтенному старику. Я сказал ему, зачем я прибыл в станицу. Он недоумеюще спросил меня: - А где же наш Пятро Акимыч? Ведь он у нас учил детей... -

Я сказал, что Петр Акимович умер в клетской больнице и я прибыл на его место.

- Ну, царство ему небесное! Хороший был человек, - крестясь сказал священник.

- А ты все-таки заходи ко мне, чайку попьем, - говорил священник на прощанье.

Зашел в лавочку табаку купить, а купец спрашивает: - А ты очищенную махорку куришь или турецкий потребляешь? -

Ну, словом, к кому бы я не обратился, все говорят мне - "ты". Как будто в Старогригорьевской станице слово "вы" не положено по штату. Прямо таки, какая-то плесень, духота царит в этой станице.

А казаки одно хвалят своего атамана: - Он у нас хороший хозяин... Порядки старинные ведет... -

Ну, думаю, и живите себе на здоровье, по старинке.

Один раз заехал в станицу участковый заседатель, зашел ко мне на квартиру и спрашивает: - Ну, как поживаете, господин учитель? -

- Скука страшная, - говорю ему: некуда пойти, не с кем поговорить, как-нибудь время скоротать... -

- А вы делайте так, как покойный Петр Акимович: он у батюшки чаю попьет, потолкует о том-о сем, а после идет в станичное правление в карты с сидельцами играть в подкидного дурака... Вот так и развлекался... А лучше всего, вы женитесь, - советовал заседатель: - тогда и забава будет у вас. -

Да я так и поступил," - сказал Андрей Семенович, заканчивая свою повесть о Старогригорьевской станице.

III.

Первый месяц моего пребывания в станице я все время держался около Андрея Семеновича, как малый ребенок, который начинает учиться ходить и боится оторваться от руки матери.

Я был слишком молод и неопытен в жизни, поэтому и глухая станица казалась мне загадочным местом. Я ходил по станице как бы ощупью, озн-

раясь по сторонам.

С отцом Григорием я познакомился в училище, где он в неделю раз преподавал Закон Божий.

- "Вы как-нибудь зайдите ко мне," - предложил он, - "познакомитесь с матушкой, чайку попьем." -

- "Благодарю вас, зайду." -

- "Сегодня вечером," - сказал мне Андрей Семенович, - "мы пойдем с вами к отцу дьякону, а то он все спрашивает, когда я приведу к ним молодого учителя." -

Мы пошли.

- "Ну вот, наконец-то," - встречая нас говорил дьякон: - "а то - приехал молодец и не хочет глаз показать." -

- "Да он еще хорошо не осмотрелся, стесняется," - ответил за меня Андрей Семенович.

Дьякон и дьяконица приняли меня, как будто давно меня знали.

После обычных расспросов: откуда я, кто мои родители, где учился и прочее, дьякон спросил меня:

- "А в преферанс играете?" -

- "Играю," - ответил я.

- "Больше нам ничего и не нужно; все остальное приложится," -

сказал дьякон и хотел было расчертить пульку, но дьяконица, Анна Семеновна, запротестовала:

- "Ты что же это, отец," - сказала она: - "гость только в первый раз у нас, а ты лезешь со своим преферансом. Нет, сперва гостей полагается угостить, а тогда и карты не помешают." -

Старые, бездетные дьякон и дьяконица были рады моему появлению в их доме. Они жили в большом достатке. Угостить человека доставляло им удовольствие.

- "Лишь бы аппетит был," - говорила матушка, - "а закусить, слава Богу, есть чем." -

Но нельзя сказать, что еда, сон, игра в преферанс удовлетворяли все их жизненные потребности.

Нет. Они выписывали весьма распространенную в России газету "Биржевые Ведомости", читали книги, у них был граммофон почти что с сотней разнообразных пластинок.

Анна Семеновна недурно играла на гитаре, подпевая песенки и романсы.

Отец дьякон любил домашнее хозяйство, разводил кур и уток, для которых имел в своем садике небольшой резервуар с водой.

- "Люблю посмотреть," - говорил он, - "как эти крошки, желтые утята, купаются в воде." -

Жизнь этих "старосветских помещиков" была правильной и нормальной. Так, по крайней мере, они это понимали.

Зазвонят в колокол, отец дьякон идет в церковь на богослужение. С ним шла и его матушка. Придя из церкви, они закусят, попьют чайку и отдыхают. Вот, кажется, и вся программа их жизни. Дальше они эту программу пополняли преферансом, игрой на гитаре, чтением газет или книг.

Мое появление в их семье вносило нечто новое, свежее, а моя молодость подбадривала их дух и падающую энергию.

Дьякон просил меня:

- "Вы, молодой человек, почаще заходите к нам: все веселей будет." -

А прощаясь сказал:

- "А уж завтра обязательно заложим пулечку." -

- "Да, да," - ответил ему Андрей Семенович: - "готовьтесь, отец дьякон, остаться при семи без двух." -

- "Ну, это мы посмотрим, кто из нас останется без двух," - с сияющей улыбкой говорил дьякон.

Побывал я и у священника отца Григория.

Вся его квартира была обставлена сравнительно богато и со вкусом. В зале стоял рояль, около окон на подставках стояли цветы, по полу разостланы ковры. В кабинете отца Григория был шкаф с книгами, висели картины. В буфете столовой виднелось много различной посуды.

Словом, чувствовалось, что хозяйка этой квартиры видела когда-то хорошую городскую жизнь и, попав в глухую станицу, перенесли сюда часть природы этой жизни, что дало им возможность не быть во власти окружающей их среды глухой станицы.

Отец Григорий был красивый мужчина. Статный, выше среднего роста, с большими черными глазами, черными выщипанными волосами и такой же бородой; все это придавало его внешности какую-то картинность и монашескую строгость лица.

Его матушка, Елизавета Петровна, весьма милостивая женщина, бывшая институтка, как будто до сих пор не забыла еще институтские манеры: при разговоре опускать глаза, причем немного краснела.

Эта супружеская чета была большим контрастом среди серой массы станичных обывателей.

Матушка приготовила закуску к чаю и мы сели за стол.

- "Вы, молодой человек, может быть поете, знаете ноты?" - спросил меня отец Григорий.

- "Да, пою и ноты знаю. Этому нас учили в учительской школе." -

- "А что же вы поете: песни, романсы, или, быть может, кое-что из оперных произведений?" -

- "Я пел в хоре, а иногда выступал в дуэте." -

- "А какой у вас голос?" - спросил отец Григорий

- "Тенор." -

- "Ну вот и хорошо, споем." -

Отец Григорий пригласил меня в зал, сел за рояль, сыграл какую-то вещь, а потом развернул ноты и говорит:

- "Вот простенький дуэт: "Крики чайки белоснежной", может быть попробуем, споем; я баритоном, а вы тенором." -

Дуэт этот был мне знаком и мы его спели под одобрительные аплодисменты матушки.

После пения мы перешли в кабинет.

- "У меня в библиотеке," - говорил отец Григорий, - "имеется почти вся классическая литература и кое-что из новых писателей; вы можете пользоваться моей библиотекой."

Вы с хорошими задатками, молодой человек, и будет жаль, если вас затянет станичная тина. Глухая провинция часто губит людей..." -

Первый мой визит в дом священника казался мне каким-то экзаменом.

- "Вот это - другие люди," - размышлял я, идя по глухой площади.

На другой день, после моего визита отцу Григорию, мы с Андреем Семеновичем пошли к псаломщику Павлу Мефодьевичу Лапину.

- "Это - наш брат, простой человек," - говорил Андрей Семенович.

Павел Мефодьевич был мужчина за пятьдесят лет. Он обладал сильным басом и должен был бы посвятиться во диаконы.

- "Почему вы, Павел Мефодьевич, не посвятились во диаконы?" - спрашивали его прихожане.

- "Ведь смотрите, какой вы представительный мужчина, да еще с таким голосом, как с вашим басом, давно надо быть дьяконом." -

- "Да, что," - отвечал Павел Мефодьевич, - "лукавый попутал."

Раз послал меня благочинный в Новочеркасск на пострижение, а я не доехал до Новочеркаска и запил, а потом стыдно стало, ну я и вернулся обратно в приход. Вот так и остался дьячком. Да оно как-то и вольготнее жить..." -

Павел Мефодьевич принял нас без всяких церемоний.

Его супруга, Прасковья Васильевна, поставила на стол тарелку со-

ленных огурцов и тарелку моченых яблок, а Павел Мефодьевич достал графин водки из шкафа.

- "Вот эта перцовочка своего приготовления," - говорил он.

- "Мы - люди простые и угощаем тем, что Бог послал.

А вы, молодой учитель, приучайтесь разделять компанию: без этого в нашей станице не проживете."

У Павла Мефодьевича было два сына студента и две дочери невесты, про которых Прасковья Васильевна говорила, что они большие мастерицы и сами готовят себе приданое.

Павел Мефодьевич был большой охотник рыболов. Весной, в полоу воду, он ловил рыбу сетями и вентерями, а летом удочками.

Он предлагал мне пристать к нему в компанию.

- "А то одному трудно управляться," - говорил он.

Я дал свое согласие, на что Павел Мефодьевич заявил:

- "Вот и хорошо, начнем снасти готовить."

Посещением Павла Мефодьевича кончались все мои официальные визиты в станице.

С местными купцами я знакомился при случае в их лавках.

Я не мог вывести какого-либо заключения о моем знакомстве с местной интеллигенцией. Только мой хозяин, Степан Гаврилович, подвел какой-то итог моему знакомству, сказав:

- "Все они - фунты с походом..."

Г.

На первый день Масленицы дьякон пригласил меня и Андрея Семеновича с семьей на блины.

Блины смачивались небольшой порцией зубровки.

- "На широкой Масленице позволительно точию по единой," - говорил дьякон, наливая рюмки.

После блинов мы сели за пульку.

Анна Семеновна, развлекая гостей, спела под гитару мелодичный, старинный романс "Хуторок".

Расположение хозяев и гостей было весьма приятно на этой масленичной беседе.

В станице не было особых развлечений на Масленой неделе, если не считать усиленных кулачных боев одной части станицы против другой. Эти бои начинались в Филипповку и происходили каждый праздник около станичного правления, где была середина станицы.

Начиная с четверга Масленой недели, кулачки происходили каждый день, вплоть до звона в церкви вечером в Прощенное воскресенье. Заслышав церковный звон, бойцы начинали кричать: - "Стой! Довольно! Надо Богу молиться!..."

В этот момент кулачные бои прекращались.

Некоторые бойцы с синяками на лице шли с поля боя в церковь, где отец Григорий стыдил их, грозил наказанием Божиим, но ничего не помогало. Бойцы одно твердили:

- "Что же подделаешь, когда наши деды дрались... Так уж завелось!"

В четверг на Масленой мы распустили школу до начала поста.

Андрей Семенович предложил мне поехать в гости к его школьному другу и станичнику, учителю Григорию Ивановичу Симонову, на хутор Лычак.

Мы поехали. Начинаясь оттепель. По дороге показывались небольшие лужицы воды. Кое-где в степи виднелись черные точки освобожденных от снега бугорков.

Чаш возница, казак Яков Рыбалкин, то и дело предлагал нам слезть с саней.

- "А то полозья заедают," - говорил он.

До хутора Лычака было двенадцать верст. Дорогой Андрей Семенович рассказал мне кое-что об учителе Симонове.

- "Я хочу вас предупредить," - сказал он, - "что Григорий Иванович - большой оригинал; его поведение покажется вам странным, но вы не удивляйтесь этому. За свою десятилетнюю службу, он все время учительствует по хуторам, поэтому просто одичал в этой глуши.

Мы вместе с ним окончили учительскую семинарию в глухом городишке Волчанске. Воспитанники семинарии иногда подсмеивались над простой и хуторскими привычками Симонова и называли его - Гриша "хуторец".

А вообще, Григорий Иванович - простой, добрый человек," - закончил свою характеристику Андрей Семенович.

Хутор Лычак принадлежал к числу больших, богатых хуторов. В нем была церковь, приходское училище, три лавки и началась постройка паровой мельницы.

По площади к училищу мы подходили пешком.

Григорий Иванович издали заметил нас и закричал:

- "Что же это вы пешедралом тянетесь?"

- "Полозья заедают," - ответил ему Андрей Семенович.

- "Насилу доехали," - заявил Яков Рыбалкин.

- "Вернее, дошли, Яша, а не доехали," - заметил ему Андрей Семенович.

- "Ну, я - Симонов, а вы из каких будете?" - знакомясь со мною спросил он.

Я отрекомендовался.

- "Ага, из Усть-Медведицы; значит, городской? Не такой, как я - с Манойлина хутора."

По внешнему виду Григорий Иванович напоминал сельского учителя-народника. Среднего роста, худощавый, немного сторбившийся, с редкой рыжеватой бородкой, растрепанными волосами, он выглядел гораздо старше своих тридцати лет. Он был женат и имел шестилетнего сынишку.

Его супруга, Надежда Николаевна, скромная, застенчивая женщина, дочь псаломщика хутора Манойлина, училась вместе с Григорием Ивановичем в манойлинском приходском училище, откуда начался их роман, окончившийся счастливым браком.

Надежда Николаевна угощала нас блинами.

- "У нас по бедному, по учительски," - говорил Григорий Иванович: - "Не так, как у вас в Малодельской, у отца дьякона, - изобилие яствия и пития."

- "А что же, когда достаток позволяет," - скромно заметила Надежда Николаевна.

- "Да, на наше жалованье много не раскушаешься, особенно, когда обзаведешься вот такими орлами," - сказал Андрей Семенович, указывая на сынишку Григория Ивановича.

- "Верно говоришь, Андрей, верно!" - громко и с волнением заявил Григорий Иванович.

- "Я вот десять лет тяну ляжку за двадцать пять рублей в месяц и никому нет дела, что я с семьей живу впроголодь. Нет, мы, народные учителя, беднее всех чиновников живем и нашему начальству нет до этого дела."

Григорий Иванович говорил громко, с жестикующей, нервно глотая табачный дым своей папиросы.

- "Я разочаровался в своей профессии и буду искать другую," - говорил он, уже упавшим голосом.

- "Ушел же учитель Смирнов в монопольщики, а учитель Иван Дьяконов в дьячки... Нет, учителем я не останусь: довольно нищенствовать."

- "Подожди, Гриша," - остановил его Андрей Семенович, - "а как же ты забыл, что внушали тебе в семинарии?"

- "Нет, не забыл: благородный труд на просвещении народа, высокое звание учителя, польза государству... Иногда внушали, но не говори-

ли мне правды, что за все эти высокие цели я на всю жизнь обречен на нищенское существование." -

- "Перестань ты, Гриша, жаловаться на свою судьбу," - сказала Надежда Николаевна и, подумав, заявила: - "А все эти прохожие по волчьему билету виноваты: идут они через наш хутор на Арчеду и непременно заходят к нам. Вот недавно зашел один и говорит: - Я к полу не пойду, а вот к своему брату учителю захожу. -

Вот и нажужжали в уши Грише, что, мол, учитель - самый обездоленный человек. Он должен протестовать против такой несправедливости и внушать народу, что порядки в России никуда не годятся... Все надо изменить..." -

- "Ты, Надя, в этом деле мало чего понимаешь," - сказал Григорий Иванович: - "лучше угощай наших гостей, а политикой я буду заниматься." -

- "А ты, Григорий, кого обвиняешь: начальство за двадцать пять рублей твоего месячного жалованья или родителей, что недоучили тебя до большого жалованья?" - заметил ему Андрей Семенович.

- "Нет, родителям своим я говорю спасибо: они сделали все, что могли, что было в их силах.

Начальство! Оно пренебрежительно относится к своему апостолу труда и терпения. С ним мы когда-нибудь посчитаемся," - заявил Григорий Иванович.

- "А ты, Иван, смотри не женись," - сказал он мне, - "а то застрянешь навсегда в нашей глуши." -

- "Нет," - сказал я, - "я буду еще учиться, а о женитьбе не думаю." -

- "Вы уж простите меня, господа, что я наговорил вам всякой всячины," - сказал Григорий Иванович.

- "Наболело на душе, не с кем поделиться со своими думами..."

Довольно! Давайте Масленицу справлять как следует: выпьем, закусим, песни споем. А ты, Надя, нам подтяни," - предлагал Григорий Иванович жене.

И, действительно, после мы веселились до поздней ночи.

Утром рано пришел наш возница и просил выехать пораньше.

- "Пока подморозило," - сказал он.

- "А то опять начнут полозья заедать?" - спросил его Андрей Семенович.

- "Магеть быть," - ответил он.

Григорий Иванович провожал нас за хутор. Когда мы стали его покидать, он махал нам рукой и крикнул: - "А на Святой я к вам нагряну!" -

- "Обязательно, Гриша! Приезжай с семьей, на красное яичко!" - сказал ему Андрей Семенович.

Посещение учителя Симонова и его речи произвели на меня большое впечатление; к тому же я узнал, какая перспектива ждет меня.

- "Нет," - думал я: - "надо учиться дальше, чтобы не обречь себя на нищенское существование." -

II.

Глухие станицы немногим отличались от обыкновенных хуторов. Только центр, где стоит церковь, школа, станичное правление, с пяток лавок и около десятка домов местной интеллигенции и купцов, показывает, что здесь - станица, а не хутор. Дальше живут хлеборобы-казаки; они пахут, сеют, убирают хлеб и сено, имеют скот и прочее.

Их дома крыты соломой, чаканом, камышом или кугой. Их дворы огорожены плетнями; во дворе сад, надворные постройки, базы для скота, гумна со скирдами соломы и сена... В них идет обычная хуторская жизнь.

В Малодельской станице триста дворов, из которых половина старообрядческие.

В отношении своих обязанностей, как граждан станицы, все мало-

дельские казаки были одинаковы; в частной же жизни, в своем быту, старообрядцы резко отличались от остального населения станицы. Они занимали одну часть станицы, жили под руководством своих уставщиков и стариков обособленно и замкнуто.

Среди малодельских старообрядцев было три секты: беспоповцы, белопоповцы и единоверцы. Объяснять верования этих сект я не берусь, потому что считаю себя недостаточно осведомленным в этом вопросе, только нужно заметить, что старообрядцы в своем быту были как бы другим народом в станице.

- "Пусть молятся по своей старой вере, но они наши братья казаки," - говорили их станичники.

Старообрядцы не отдавали своих детей на обучение в станичную школу. У них была весьма примитивная грамотность, как примитивна была их церковная служба в домах молельнях.

Я посетил одну такую молельню, где уставщик, одетый в простой кафтан, вроде подризника, совершал богослужение по их уставу. Вроде в глаза большая разница в обряде богослужения между нашей церковью и старообрядческой молельней. Все же надо отметить, что молящиеся в молельне стояли чинно и на их лицах было заметно сосредоточенное молитвенное настроение.

Я познакомился с учителем старообрядческой школы, Иваном Семеновичем Овечкиным (он же был и уставщик у беспоповцев). Он не охотно вел со мной беседу о методах и целях обучения детей.

- "Лишь бы научились читать Псалтирь и молитвы, а остальное и без них разберут," - заявил он.

Я пригласил его посетить нашу школу и познакомиться с методами и программой нашего обучения.

- "У вас нечему учиться... Ваша никоновская грамота нам не нужна: она совращает человека с праведного пути," - категорически заявил Овечкин.

Все-таки меня брало любопытство и я побывал в школе Овечкина.

Школа была в жилом доме и занимала одну комнату. В ней было пятнадцать довольно взрослых учеников. Они сидели за обычными столами; перед ними лежали грифельные доски и какие-то непонятные буквари.

Овечкин сказал мне: - "Я учу по азам, а после этой азбуки учу читать Псалтирь и старые церковно-славянские книги." -

Ни русских букварей, ни книг для чтения не было; даже не преподавалась арифметика.

Когда я заметил учителя Овечкину, что его метод обучения устарел и его ученики останутся безграмотными, он возразил мне: - "Вы не знаете нашей старой веры, поэтому и не можете понять, почему мы так воспитываем наших детей и какая грамотность им нужна." -

- "Может быть," - согласился я.

- "А в нашу школу вы зайдете?" -

- "Нет," - наотрез отказался Овечкин: - "У вас все не по нашей вере и пахнет табаком." -

На этом и кончилось мое знакомство с учителем старообрядческой школы.

В Великом посту на майдане станичного правления происходил религиозный диспут между православным миссионером Картушиным и старообрядческим начетчиком из Саратова Себряковым, считавшимся у старообрядцев талантливым защитником их веры.

На столе, за которым сидел Себряков и его помощники, было наложено много старых толстых книг, из которых Себряков брал для прочтения тексты или изречения, если ему нужно было опровергнуть доказательства своего оппонента.

Миссионер Картушин был когда-то старообрядческим начетчиком, поэтому ему было не трудно вести этот диспут.

Такие религиозные диспуты имели целью привлечь старообрядцев

нашу церковь; но они крепко держались своей старой веры и своих обычаев и к нашей церкви не присоединялись. Их обычным аргументом было:

- "У нас бредят, курят, водку пьют," - говорили они.
- "Ваши попы не по правильному уставу служат и даже курят..." - Только были случаи перехода старообрядцев в единоверческую церковь, более родственную им.

Мне мало приходилось наблюдать повседневную жизнь старообрядцев; в своей же общественной жизни это был какой-то замкнутый круг, за границу которого не пускали людей другой веры.

Раз как-то мы с Андреем Семеновичем зашли в дом местного купца старообрядца. Он просил нас, чтобы мы не курили в его доме, а когда на столе появился самовар, хозяин заявил нам:

- "Я пошлю к вам за чашками, а то по нашей вере вам нельзя пить из наших чашек." -

Было много предрассудков, суеверий и косности в старообрядческом быту, все-же, надо сказать, это были какие-то духовные крепости. Их жизнь не отступала от правил их веры и их уставов.

(Окончание следует).

И.В. Тапилин (†).

-+--+--

ПОСЛЕ ВОЙНЫ.

(Повесть).

I.- БИГСТВО.

- "А ну, выходи," - проговорил, растворяя дверь, красноармеец, держа револьвер наготове.

- "Иди вперед, если попытаешься бежать, пристрелю как собаку. Понял?" -

Николай Потепенков поднялся с нар и направился к двери.

- "Куда-ж идти?" -

- "На перевязку, в окошечко," - ответил красноармеец.

Раненая рука, обмотанная тряпкой, болела и ныла. На душе было смутно и тоскливо. Все тело одеревянело и казалось не своим. Накануне красноармейцы били чуть не до потери сознания, а потом бросили в каморку, служащую тюрьмой в станичном правлении.

Получилось все глупо. Нужно было быть более спокойным.

На хуторе, где он жил, казаки не захотели отдавать хлеб. Приехал комиссар из станицы с тремя милиционерами. Стали ездить по дворам, искать, смотреть по амбарам. На все просьбы о сбавке нормы комиссар не обращал внимания, а наоборот даже - назначал больше, чем раньше и больше того, что каждый имел в амбаре, зная, что еще есть спрятанный хлеб. Часть казаков стала бунтоваться. Двадцатилетний Николай Потепенков, оставшийся дома хозяином после смерти отца, убитого в революцию, примкнул к бунтующим.

Комиссар, видя недовольство, стал, как будто, соглашаться и решил сбавить норму, но заявил, что должен осведомить комиссию в станице и выпроводил милиционера с запиской.

Никто не знал, что в станицу накануне пришла рота солдат для ловли "бандитов", которые целыми отрядами ходили в степи.

Через два часа хутор был окружен. Комиссар сразу обнагдел и при помощи солдат стал сгонять всех недовольных. Часть казаков бросилась бежать, в том числе и Николай, но солдаты открыли огонь. Пуля попала ему в левую руку чуть ниже локтя. Он растерялся и был пойман. Часть же казаков ушла; скрылся также его друг Федор Безхлебной.

Пойманных оказалось десять человек. Семь верст до станицы солда-

ты гнали их, издеваясь, ругались и били прикладами. Большинство солдат ехало на подводах и только трое сзади них шли пешком.

В станице всех посадили в бывший магазин, а его, как раненого, в станичную тюрьму.

Он знал дорогу до окошечка и хорошо знал всю станицу. Недалеко от окошечка жила его двоюродная сестра.

Николай вышел на улицу. Идти нужно было двести метров. Солнце слепило и резало глаза. Люди с удивлением проходя оглядывались и те, кто его знал, отворачивались и спешили уйти. Он сразу стал преступником.

Ни на кого не глядя Николай пошел вперед. Красноармеец, держа револьвер наготове, в трех шагах следовал за ним. Молча дошли до окошечка. Фельдшер долго копался над рукой, прочистил и забинтовал рану. Нужно было идти назад. Николаю внезапно пришла мысль, что больше такого случая не представится и нужно бежать. Куда? - он не знал, но нужно уходить во что бы то ни стало. Еще входя, он заметил у двери костыль, оставленный или приготовленный для больного.

Не подавая вида, он шел спокойно к выходу и вдруг, схватив костыль здоровой рукой, наотмашь ударил неожиданного красноармейца по голове. Раздался выстрел, пуля разбила стекло в двери. Красноармеец рухнул.

Николай схватил револьвер, сунул его в карман и выбежал во двор. Перекинулся через забор в соседний двор, потом через сад в третий. Слышно было, как фельдшер звал на помощь.

- "Скорей! Скорей!" - работала мысль в голове: - "Нужно как можно больше оставить расстояния, пока не прибегут солдаты... Куда?... Бежать к двоюродной сестре?... Нет, там сразу найдут..." -

Он пробежал еще два двора сзади домов, добежал до другой улицы, поглядел по сторонам и перебежал в другой квартал. Еще несколько дворов по садам и он добежал до какого-то разваливающегося сарая. Пал там, тяжело дыша.

Мысль работала лихорадочно: - "Нужно передохнуть и уходить дальше. Вероятно, будут искать в каждом дворе... Который теперь час?... Наверно, скоро обед, - все люди по домам..." -

Он вспомнил про кирпичный завод, который только так назывался. Никаких построек там не было. Было десяток ям с печами в земле. Никто там не работал, все поросло травой и бурьяном и только ребяташки знали, что там есть и как оттуда выбраться.

Часа два Николай пролежал в сарае, потом медленно стал пробираться к заводу. Рука мешала. Хорошо, что заборы были низкие, а где остались только воспоминания от заборов, иначе он не смог бы убежать.

Теперь уже осторожно, выжидая, он стал пробираться к окраине станицы. Может быть люди и видали его, но не подавали вида. Но верить было нельзя.

Солнце склонялось, когда он добрался до окраины станицы. Дальше до кирпичного завода было пустое место, приблизительно в полкилометра.

Сзади загавкала собака. Николай, чтобы не быть обнаруженным, стал прокрадываться вдоль железной дороги. Может быть, можно уйти в степь, не скрываясь в яме. Он миновал железнодорожный поселок с другой стороны дороги, перешел через полотно дороги и стал уходить в степь.

Но из железнодорожной будки его заметили и два красноармейца на конях погнались за ним. Полотно железной дороги в этом месте повышалось, так как подходило к реке. Николай сообразил, что на лошадях красным невозможно будет перескочить на другую сторону. Он повернул обратно и взбежал наверх. Пули просвистали где-то высоко: на скаку красным плохо было целиться.

Быстро скатившись по насыпи на другую сторону, Николай побежал по бурьяну. Здесь начинался кирпичный завод. Красноармейцы поскакали

на переезд к будке, страшно ругаясь. Горюясь Николай спрыгнул в одну из ям, метра три глубиной, и скрылся в печи. Он устал, с утра ничего не ел. Все дрожало; нервы были натянуты. Чутко прислушиваясь, он чувствовал, что его ищут.

Через полчаса наверху послышались шаги: красноармейцы ходили по бурьяну и заглядывали по ямам.

- "Да тут сам черт его не найдет." -

Шаги остановились над ямой, где сидел Николай.

- "Лезь, Иван! Может, как раз он здесь и сидит?" -

- "Эх ты, какой хитрый!.. Попробуй - полезь сам!.. Думаешь, он не вооружен? Угостит и назад не вылезешь... Да что же в самом деле, я должен что ли по всем ямам лазить?" -

- "Ну, ладно! Пойдем в будку, - сообщим в правление, чтобы прислали людей." -

Шаги стали удаляться. Николай, судорожно сжимая Наган, решил стрелять, если будет открыт.

Стало смеркаться. Николай понял, что он спасен. Нервы ослабели, он упал на спину и лежал неподвижно.

II.- В СТЕПИ.

Ночь опустилась над степью. Николай Потапенков выглянул из печи в яму и прислушался. Все было тихо и темно. Луна еще не всходила и нельзя было видеть даже в двух шагах. Только звезды мерцали на бездонном небе. От реки тянуло холодом, чувствовалась осенняя пора.

Сколько времени он пролежал в яме, ему было неизвестно. Нужно было выбираться наверх. Он обошел вокруг ямы и нашел место, где земля больше всего обсыпалась и получились уступы. Николай полез наверх, цепляясь за траву. Больная рука мешала, приходилось держаться зубами за траву, чтобы перебраться дальше. Несколько раз он падал обратно и все приходилось начинать снова. Наконец, с трудом он вылез и опять прислушался, глядясь в темноту. Где-то далеко гавкала собака, но вокруг было тихо.

Стараясь ступать как можно тише, Николай пошел, держа направление к железной дороге. Сторожевая будка осталась влево. Он снова перешел железную дорогу и ускорил шаги, углубляясь в степь.

Назад на хутор идти было нельзя: кто-нибудь донесет. Он вспомнил, что хлеб уже убрали и на кашарах теперь никого нет. Нужно было идти туда и не на свои, а на чужие. Самые дальние были деда Поликарпа, в десяти верстах от хутора. Он направился к ним. Дорогу он знал хорошо. Далеко минуя родной хутор, он пошел вдоль балки, зная, что она приведет к кашарам деда Поликарпа.

Становилось прохладно. Николай съехался и ускорил шаги, чтобы согреться, но ноги плохо слушались и он сам, не понимая почему, часто спотыкался. Все больше и больше хотелось есть. Рот пересох и в жиготе ныло.

На горизонте показалась громадная красная луна. Стало видней, но сделалось страшней. Где-то затыкала лисица. Станный шорох слышался вокруг него. Ему казалось, что все его видят издали. Вагробела трава на лунном свете, причудливые тени от облаков скользили по степи. Ноги слабели и подкашивались, напряженные нервы отходили, всем телом овладевала страшная усталость. С трудом он дотопал до кашар деда Поликарпа. Он знал этот маленький домик над балкой, где дед жил целое лето и даже не приезжал на хутор, а бабка ему привозила каждую неделю еду.

Николай обошел домик вокруг. Все было мертво. Он нашел задвижку на двери, дверь оказалась незапертой. Он пошел внутрь и стал шарить по полкам, надеясь найти что-нибудь поесть. Но полки были пусты. В углу в чугушке он нашел куски черствого хлеба, а рядом в железной банке

пшено. Разродить огонь Николай побоялся. Он взял чугунок, спустился в балку, в выкопанной ямке на дне балки набрал воды и вернулся назад. Размочил хлеб и с жадностью накинулся на него. Только когда он съел весь хлеб, то почувствовал себя бодрее. Закрыв дверь на крючек изнутри он лег спать.

Несмотря на усталость, Николай долго не мог заснуть. Мрачные мысли лезли в голову. Что делать дальше? Ясно, что лечно тут оставаться он не может. Нужно было что-то придумать, а придумать он не мог ничего. Только когда стало рассветать, он заснул крепким, тяжелым сном.

Проснулся он от шума. На дворе фыркали кони и кто-то разговаривал.

- "Попался!" - подумал Николай.

- "Это дело подходящее, тут можно и переночевать. Ну, братцы, слезай!" -

Кто-то взялся за дверь, попробовал и сильно рванул. Крючек отскочил. На пороге стоял широкоплечий мужчина в папахе и кожанной тужурке. Небритое лицо с большими усами казалось не злым.

- "Э-э, да тут кто-то есть!.. Ребята! Ну-ка, идите сюда!" -

Николай схватился за Наган.

- "Тю! Ты, дураковатый, погоди пока!" -

Вошли еще двое, все вооруженные и здоровые.

- "Ты кто такой?" - спросил усатый.

Николай заморгал глазами, не зная, что отвечать.

В это время вошел Федор Безхлебнов и с удивлением уставился на Николая, как на призрак.

- "Атаман! Да это Потапенков с нашего хутора. Мой дружок... Как же ты, Коля, очутился тут? Мы уже по тебе думали панихиду петь." -

Николай, думаясь, рассказал все.

Усатый, присев на печку, внимательно смотрел на него.

- "Ну, я вижу, братец, из тебя выйдет бравый казак. Поступай ко мне. Поощади тебе теперь от красных ждать нечего." -

- "Значит: стать бандитом?" - как-то смело выговорил Николай.

- "Что же ты будешь делать? Поневоле станешь им. Все мы такие же бандиты, как и ты. Затравленный казак уходит в степь... Да и кто из нас больше бандиты: мы или они на нашей земле?... Ну, как?... Что думаешь?.."

- "У нас есть свои люди в станице," - продолжал усатый: - "достанем тебе документы на чужое имя; когда придется плохо - скроешься где-нибудь в город." -

Николай стоял и думал. Ему, вдруг, страшно захотелось мстить за свою разбитую жизнь, за отца, убитого этими же солдатами. На сердце накупала ненависть. Пелена спала с глаз. Солдаты представились чужими, которые пришли насильничать в казачий край...

Он улыбнулся усатому атаману:

- "Я, дядя, пойду с вами." -

- "Ну вот, я так и думал. А что ты ранен, то мы это вылечим. Федор! иди позови Челнокова: пусть поглядит, что у него с рукой."

А вы, ребята, готовьте обедать..." -

III.- ДОМА.

Целый день отряд провел на кашарах. Ранение у Николая Потапенкова оказалось не опасным и хорошо прочищенная эда в станице фельдшером рана не болела. У казаков было все, что нужно, чтобы приготовить еду.

Николай скоро сошелся со всеми и почувствовал, что попал в свою среду. Усатый атаман носил кличку "Дикий"; как объяснил Федор Безхлебнов, потому что не хотел примыкать ни к кому и ни кому не верил, а действовал сам.

Под вечер атаман подозвал к себе Николая.
- "Вот что, братец! Я узнал, что в твоём хуторе красных солдат больше нет. Я тебе дам два человека, иди и успокой свою мать, а может быть еще кого-нибудь. Но будь осторожен: если увидят, то донесут свои. Иди тенью, повидай мать и закажи, чтобы ничего никому не говорила, и сразу вертайся назад. Понял?" -

Николай с удивлением посмотрел на атамана и понял, что за суровым видом у этого человека кроется понимающее сердце. Ему хотелось заплакать, уверить его, что он всей душой с ними, но он только сказал:

- "Да, уж не подгажу!" -

- "Ну вот и хорошо! Федор Безхлебнов и Задорожный пойдут с тобой." -

Атаман подозвал их. Федора Николай знал хорошо, поэтому он посмотрел на Задорожного. На него смотрел такой же казак, как и он, только может года на три-четыре постарше, но в глазах светилось что-то хитрое и вместе с тем сумрачное.

Вышли втроем, когда стемнело.

На хуторе было тихо. Вошли со стороны яра от садов. Все как будто спало или притаилось. Задорожный остался на окраине хутора, где кончались сады. Николай же и Федор пошли к своим дворам. Николаю было близко. Через плетень он перелез на баз. Скрываясь в тени между сараями он подошел к дому. Все казалось уныло и жутко, как будто бы все вымерло...

Николай подошел к двери и попробовал: дверь была заперта. Он постучал сначала тихо, но никакого ответа... Он снова постучал уже сильнее. Что-то зашевелилось и остановилось у двери.

- "Кто там?" -

Николай узнал голос матери.

- "Открой, мама! Это - я." -

Дверь открылась и он очутился в коридоре, целовал мать и чувствовал соленые слезы у нея на щеках. Малкой и беспомощной казалась она ему. Чувствовалась какая-то надорванность. Та, которая его вскормила и вырастила, теперь оказалась бессильной против человеческой злобы и горько рыдала, припав к его груди.

- "Ну, оставь, мама!.. Не убили... Не горюй, все переменится..!" -

Николай говорил, сам не зная что, лишь бы успокоить мать, но ему было ее жалко до слез.

- "Но как же, как же ты ушел?" -

- "Да вот так получилось. Не судьба мне помирать. Теперь в степи вольным казаком... Слушай, мама! Я не могу жить в хуторе и не говори никому. Скажи только Нюре, что я жив и молчите." -

- "Ну, а дом?" -

- "Дом? Да, что-ж дом?... Живи пока одна, а там видно будет, что-нибудь надумаем, чтобы жить вместе." -

Николай вошел в комнату. Все ему показалось сразу далеким и не реальным, как будто бы прошла целая вечность. Он нашел свои вещи, выбрал самое необходимое и связал в узелок.

- "Не плачь и не горюй. Может быть все к лучшему. Не нужно гнать спину на кого-то..." -

Он еще долго рассказывал о том, как ему удалось бежать и как близко он находился от смерти.

Вдали прокричала сова.

- "Ну, мама, не горюй за меня: придут еще хорошие дни, а если не придут - умру казаком, как отец. Еще увидимся..." -

Отстраняя цепляющиеся руки, крепко поцеловав мать, Николай выбежал на двор и тем же путем очутился у садов, где его ждал Задорожный.

- "Федора еще нет," - сказал Задорожный: - "подождем немного." - Николай смотрел на него, но видел лишь спокойную настороженность

в его взгляде.

Недалеко скользнула тень. Николай узнал Федора.

- "Ну, как?.." -

- "Все хорошо, только из угнанных никто не вернулся... Знаешь Петра Семенова?.. Его теперь больше всего нужно опасаться: доносить стал красным." -

Безлюдной степью они дошли до кашар, где все спали и только пригваившийся часовой их окликнул, но узнав всех троих пропустил их к домику.

II. - БО.

Дикий был странный человек. Ему было лет тридцать, а может быть даже немного больше. Он говорил мало, не кричал и не шумел, но в отряде все было в порядке и каждый знал свою роль.

В это утро на кашарах люди только проспались, а он откуда-то появился пешком. Сапоги его были мокрые от росы и сам он казался задумчивым. Закусив, он отозвал в сторону Пискуна и Задорожного. Оба были его ближайшими помощниками и он что-то долго им объяснял. Вскоре приехали еще трое из их отряда и привезли где-то зарезанного быка, сало, пшено и хлеб.

Как насчитал Николай, в отряде было двадцать человек и их двое - Федор и он.

Перед обедом почти весь отряд куда-то скрался. Остались только Задорожный и с ним четыре человека, Николай и Федор. Всего семь человек. Задорожный спросил Николая: сможет ли он стрелять из винтовки? Если не сможет держать, то пусть ляжет и положит винтовку на кусок дерева. Николай попробовал, оказалось, что может: рана заживала.

- "Ну, вот что, ребята! Кто-то донес и на нашу поимку вышел крапчатый отряд из станицы. Нам нужно, как можно дольше, его задержать." -

Все залегли в маленьком буераке, впадающем в балку. Как раз недалеко проходила дорога. Красные из станицы должны были идти по этой дороге. Лошадей приязали сзади домика под откосом балки. Задорожный объяснил, что если придется отходить, то следовать по буераку в балку и к лошадям.

- "Жалко быка им оставлять," - сказал Федор.

- "А ты почему знаешь, что это - бык, а не корова?" - ответил сосед Николая.

- "Ну, да все равно: бык или корова; все одно - мясо." -

- "А ты не зарекайся: еще поедим." -

Задорожный смотрел в степь и обшаривал горизонт. Подойти внезапно было нельзя. Степь была ровная и видимость хорошая. Видна была и балка.

Около полудня Задорожный проговорил:

- "Едут!.." -

Сразу исчезло спокойствие и охватила настороженность. Вдали маячили конные фигуры.

- "Сколько их, пока определить трудно. Подпустите ближе," - говорил Задорожный.

Красные приближались отдельными группами. Их было человек тридцать в форме и человек пять в штатском.

- "Патерно, свои добровольцы из станицы," - объяснил Задорожный. Половина сидела на подводах, а половина была на конях. Бероятно, при роте солдат в станице была конная группа.

Красные подвигались осторожно, медленно накупавая и гонимая дозорных. Три человека впереди приблизились совсем близко к буераку. Остаток шагов сто. Раздался выстрел и передний склонился на гризу коня, потом упал на землю.

- "Вейте остальных!" - проговорил Задорожный.

Один за другим прорезали тишину выстрели. Еще один упал вместе с конем, но оказалось, что конь был убит, всадник же испробовался и пополз к своим.

Главная сила красных остановилась; глупо было, что они озабочены. Они думали, что их встретят в конном строю, а здесь приходилось идти в атаку на скрытого врага.

Пехота слезла с подвои, пригибаясь, стала поддвигаться к буре-раку. Конная группа пошла далеко в обход, стараясь зайти сзади домика.

Началась перестрелка. Николай старался целиться без волнения. Один раз ему показалось, что солдат упал и не поднялся. Но красные ползли все ближе и ближе. Пули жужжали над самой головой; инстинктивно голова прижималась к самой земле.

Вдруг рядом что-то лопнуло. Николай взглянул в сторону. Его сосед, что готовился после боя еще поест мяса, уткнулся головой в землю и выпустил винтовку.

- "Кончено!" - подумал с ужасом Николай.

Конная группа была недалеко и заходила им в тыл.

- "Ги-и-и!.." -

Только и услышал Николай.

Дикий с казаками стремительно вынырнул из балки и налетел на конную группу красных. Как-то слишком быстро половина красных осталась лежать в степи, а остальные стали уходить.

Николай видел, как Дикий, пригнувшись к коню, мчался в след. Вот он взмахнул шашкой и еще один повис на стремях и испуганный конь потащил его за собой.

Красная пехота от неожиданности повстала.

- "Вей их!" - кричал задорожный.

Еще трое упало, чтобы никогда не встать.

Дикий, кончи с конными красными, летел на них с тылу. Их осталось мало. Некоторые побросали винтовки и подняли руки. Сперкнули на солнце шашки, ураганом налетели казаки Дикого и - все было кончено.

- "Ого-го-го!" -

Дикий скакал по степи ловкий и страшный; он чувствовал свою силу и степь была его стихией...

К вечеру мясо было спотрошено; часть его была съедена, часть заготовлена на дорогу и распределена на каждого. Все наелись и были довольными.

- "Один убитый, но у них ни один не ушел. Пусть теперь собирают," - говорил Дикий.

Похороны убитого, когда стемнело тронулись в путь.

Куда?.. Чикто не знал, кроме Дикого.

Ночи становились прохладными. Бездонное небо светилось бесчисленными звездами. А кони, равномерно стуча по земле копытами, уносили их в неизвестную даль.

Труа.

М.И. Гагарилов.

---+---

НА ЧЕРНОЙ РЕЧКЕ.

(Начало из "Записи о Вьлом" - "Казаки Ермаковы").

I.

Верстах в семи от станицы, по балке пересыхающей Чёрной речки, лежит хутор Алимов. Глушь: ни церкви, ни почты, ни школы. В церковь ездят в станицу, там-же заходят в лавки, - купить "красного товара", железа, хомуты или что другое для казачьего обихода; почта-же алимовцам почти и не нужна: редкие письма приходят от сынов служивых; а в

школу ребятишки бегают в ближайший хутор Колундаев. Довольные заходус-тьем, мирно трудясь, живут в Алимове среди тенистых садов, левад, в высоких светлых деревянных куренях, окруженных амбарами, базами и гум-нами. Событий никаких. Круг житейских интересов ограничивается забота-ми о справе сынов на военную службу, ценами на сыпке, свадьбами, рож-дениями и вестями от служивых о получении приказного или урядника.

Так тихо, спокойно, работая не покладая рук, престарелый герой Турецкой Кампании Яков Панфилович Ермаков провел жизнь в милом ему Али-мове. Ленившись молодым, он отделился потом от родителя и поселился на краю хутора у самой речки. Облюбовав подходящее для поселения мес-то, Яков поставил старикам "на občествЕ", в качестве "магарыча", ведро водки и получил приговор: "Земли под усадьбу займай сколько огородить можёшь".

Молодые хозяева принялись за устройство своей "обселюции", на-чав обзаводиться домашностью, народами пять сынов и две дочки.

Время шло. Подворье разрасталось, уголья ширились, деревья в леваде становились могучими, сады густели. На собственноручно, еще в дни молодости запруженном глубоком, с жирными карасями пруде теперь шумели лопасти водяной мельницы, приносящей доход. Яков Панфилович бла-годенствовал, старел. Дети росли.

Старший сын, женатый Никифор, с семьей жил при отце, под руко-водством которого, наблюдением и распоряжениями, заведывал посевами, вёл хозяйство. Ему помогали младшие братья.

Второй-же сын, Андрей, земледелием не интересовался. Хорошо владея топором и рубанком, "рукомеслённый", был больше на мельнице, всегда что-то мастерил, стругал, починял, стучал молотком. Задумчивый, мирный по характеру, любил молчать. Немного грамотный, в часы досуга читал Евангелие и Псалтирь старшему отцу. Тихий, природно деликатный Андрей среди братьев и сверстников выделялся и своей наружностью. Вы-ше среднего роста, стройный, с высоким открытым лбом и тонкими чертами лица, он производил приятное впечатление благородства. Чуждый грубости, скромный и серьезный молодой Ермаков, несмотря на молодость, располо-гал старших к доверию, а хуторские парни стеснялись его и уважали. При достатке и красивой внешности, сын домовитого Якова Панфиловича являлся завидным женихом для любой окрестной девицы. Когда ему исполнилось де-вятнадцать лет, родители женили его на "смазливенькой" Фене, - Федосье Васильевне, - дочери односума с соседнего хутора Кубзева.

Войдя во многочисленную семью свекора, молодая, трудолюбивая и проворная невестка стала в доме хорошей помощницей. Ленивая Анна, же-на Никифора, на правах старшей, взваливала на нее все тяжелые работы. ПонукАла и свекровь. Крепкая, здоровая Феня со всем справлялась, не сидела сложа руки, стараясь во всём успеть. Всегда веселая, жизнерадо-стная, жила с мужем "в ласке и понятии". Когда-же у молодых супругов родился первенец, - Алексей, Алёша, Лёня, Лёнька, Алешутка, - счастье родителей не было границ. Розовый, кареглазый в мать, лицом похожий на отца, ребенок полюбился и бабушке Филипповне, менее расположенной к другим внукам, детям Никифора и Анны. С появлением Алёши, Филипповна стала мягче с его матерью, "жалела" её, заступалась перед требователь-ной старшей снохой, видевшей в Фене с Лёнькой соперников.

После рождения второго сына, - Николая, - Андрей Ермаков был взят на военную службу, попав в артиллерию и, так как понимал в столарном деле, был зачислен в батарейную мастерскую. Там он хорошо овладел ре-меслом, став первоклассным мастером. Военного к нему мало привилось, зато свою артиллерийскую фуражку Андрей Яковлевич потом с гордостью носил всю жизнь.

Со службы малограмотными каракулями Андрей писал домой неуклю-жие трогательные письма, полные забот о жене и детях, низко всем кла-нялся, не забывая никого: "Дорогому родителю Якову Панфиловичу, родимой матушке Анисье Филипповне, и ишо с любовью низкий поклон любезной су-

пруге нашей Федосьи Васильевне, синкам Алексею Андреевичу и Николаю Андреевичу, " всем сватам братьям, называя по имени-отчеству каждого в отдельности, перечисляя даже лежавших еще в люльке грудных младенцев. Понимая, что отягченной уходом за двумя малолетними детьми его хлопотливой Фене, оставшейся в доме свекора без мужа, еще больше "вливалось" молодой заботливый супруг поддерживал в ней бодрость, обещая при возвращении "принести гостинцы".

Маленький Алешутка, уже начавший понимать, гордился отцом и ждал его приезда "на белой кобыле", которую, как полагал, он приведет ему в подарок. Казаченок с обожанием мечтал об отце, представляя его в образе храброго героя с пикой в руке, на этой, придуманной воображением, белой "кипельной" кобыле.

Один раз Алеша слушал разговор жалмерки Машутки, которая "набегла за хмелинами" к его матери. Веселая Машутка, не так давно проводившая на службу мужа, говорила:

- "И кады уж это артилерицы придуть, новых песниф принесуть. Ты, кума, небось ждешь теперя свою, не дождешься." -

- "Куды-ы! Ишо-б!" - отвечала Васильевна. - "Тепереча уж недолго осталось: што не видно, придуть." - Иначала повествовать: - "Надысь вижу во сне, бутта входит мой Андрей Яковлевич в горницу, кладёт фуражку на сундук, поис скидаить и гутарить: Парфён Коротков просить колёса починить. Ехал на мельницу, да и обломалси." -

Внимательно слушавший рассказ матери Лёнька, вдруг, воскликнул, сокрушаясь: - "И-и, дурак я, дурак... Чего-же я-то не встал папаньку поглядеть!" -

Бабы, не удержавшись, от комического детского возгласа дружно рассмеялись. Машутка от хохота ухватила за бока, а восхищенная мать, подняв любимца на руки, жарко обцеловывала его в щёки, в глаза, в нос. Не поняв, почему над ним смеются, малыш выскользнул из рук матери и бросился на-утёк, сверкая прорехой. Отбежав, обернулся и хвастливо объявил:

- "А мне деданька ноня пращу изделает. Буду воробьёв бить." - И, подпрыгнув по-козлиному, скрылся за амбаром.

Дед баловал внученка, рассказывал об отце и они вместе готовились к его возвращению.

- "Вот погоди," - говорил Яков Панфилич, - "скоро отец возвратится, будем встречать его. Оденешь новые шаровары с лампасами." -

И ребенок любовно ждал этот заветный день. Наконец, он настал. С утра все были на ногах: "Артилерицы идут". Напекли и наварили, нажарили и напарили, приготовились встречать служивых, как полагается. Все приоделись, бабы разнарядились. Алешутка тоже франтом, - в новых казачьих шароварах. Он доволен своим нарядом, восхищен дедом с жирно намаженной "арипейным" маслом головой, матерью в новом платье с понравившимися ему пуговками, бабанькой в пёстрой шали на плечах.

Служивых еще не видно, но они приближаются, скоро покажутся из-за бугра. У Лёньки, в ожидании торжественного момента, спирается дыхание. Сейчас он увидит отца "на белой кобыле". Волнуясь, ребенок теревит торчащую из кармана пращу.

- "Чего у тебе там такое?" - нахмурив черным-черные брови, спрашивает его гсевидающая, строгая тётка Анна.

- "Рогатулька." - ненятно отвечает боявшийся жену дяди почуявший трезлогу Алеша.

- "Чертулька там ишо. Новый карман прорвёшь." - сердится разгневанная Анна и, выхватив пращу, забрасывает её через деревья в сад.

Огорошенный мальчёнка стремглав бросается в поиски своего сокровища, которым так хотел похвалиться папаньке, ищет, ползая в густой лебедь. Через рогатульку Лёнька просмотрел, упустил, не видел момента свидания служивого с семьёй.

Очутившись-же в объятьях прибывшего отца, сынишка любовался его

лицом, фуражкой, созерцал его мундир, руки, сапоги. И лишь за обедом, когда все уже были навеселе, он расхрабрился и громко, как только мог, выкрикнул:

- "А где-же белая кобыла?" -

Но в хмельном шуме его заглушил хриплый бас одного из родственников, над самым Лёнькиным ухом оравший Якову Панфиличу:

- "Сват, а сваточек! По сему щастливому случаю, давай ишо по одной выпьем, Панфилич!" -

П.А.Соколова.

---+---

БЫЛОЕ.

В небе звезда ночью ярко горит,
Что-то она о былом говорит:
Сколько прошло, пролетело веков,
Как разыскать древний след Казаков?..

Часто, как только закрою глаза,
Вижу я горы и вижу леса,
В узкой долине под самой горой -
Поле с кустами и чахлой трапой,

Нежно журчит песней длинной ручей,
В поле пасется табун лошадей...
Только понять не могу я никак,
Все так похоже на наш солончак.

Вид неизвестный, но сердцу знаком;
Может тоскует душа о былом?..
И между ярко горящих костров
Я узнаю древний стан Казаков.

Воят протяжно далеко волки,
Что-то сынам говорят старики,
Может, кто должен на страже стоять;
Женщины, дети готовятся спать.

Тихая ночь и темна и страшна,
Краем выходит большая луна,
Пал по долине белесый туман,
Скрылся, растаял Казачий тот стан.

Кто-же узнает, кто даст нам ответ,
Кто-же разыщет потерянный след?..
Все потонуло, ушло навсегда,
Только душа не забила одна.

Наше былое, то - наша судьба
И не потухнет, как в небе звезда:
Годы промчатся, столетья пройдут,
Но Казаки никогда не умрут!

I.

Еще не все рассказано и спето,
Еще горит полуночи звезда
И наша мысль искать будет ответа
И воскрешать прошедшие года.

В степи курганы смотрят одиноко
На все вокруг, - свидетели веков.
О, как уйти назад нужно далеко,
Чтобы увидеть первых Казаков!

Нам не нужны ни сказки и ни басни -
Откуда Казаки произошли, -

Ответ один получим только ясный,-
 Ответ придет от нашей-же Земли.
 И никогда мы не были рабами,
 Об этом кровь сама нам говорит;
 В степи открытой и под небесами
 Привык Казак все время проводить.
 Он знал степные буйные пожары
 И научился их он избегать;
 На темном небе ночью Весоjarы
 Напоминали: сколько еще спать.
 Переживя татарскую неволю,
 К войне искусство их он изучил,
 Но, не забыв свою Казачью Волю,
 Татар он с нею только победил.
 И Казаки на Куликово Поле,
 Против татар, к Димитрию пришли,
 За это злой угодно было доле
 Их удалить с родной своей Земли.
 Но Казаки назад все-ж возвратились,-
 Степь их манила и влекла всегда
 И где-б ни жили, где-бы ни родились,
 Но пробуждается мечта одна.
 Привел их снова в степь свою родную
 Казак, по прозвищу Сары-Азман,
 И все твердят историю дурную,
 Что он - Казачий первый Атаман.
 Казань и Астрахань и ханство Крыма
 Разбили, или взяли Казаки,
 Но почему-то нам необъяснимо,
 Что все пошло на пользу лишь Москвы.
 И с каждым днем становится нам ясно,
 Что приключилось там в Краю Родном:
 Казачье имя мы совсем напрасно,
 Угодливо связали с Русаком.
 Пусть скажем мы, что нас так заставляли,
 Что наши прадеды боролись до конца,
 Но что они измену проморгали
 И... покорилась вольная Страна...

II.

За Русь казачья кровь лилась обильно,
 Москва старалась это поощрять,
 И Ермака, что овладел Сибирью,-
 Героем русским стала называть.
 О, если-бы предвидел век Петровский,
 Что через сто лет ждало Казаков,
 То не сажал-бы на престол Московский
 Царей Романовых наш Межаков!
 Азов добыли Казаки боями
 И ожидали помощи Москвы,
 Но там конфликта с Турцией боялись,
 Не оробели только Казаки!
 Анафеме в России предавали
 Степана Разина, Булавина,
 Но Казаки их в песнях прославляли,
 Запомнив их навеки имена.
 И Пугачев восстанье поднимая,
 За жизнь свободную на бой повел,-

Он знал о чем Казачество страдает,
 Он видел всюду гнет и произвол.
 Когда-же Крым совсем завоевали
 И больше некого было стеречь,
 То Запорожцев силой разогнали
 И умерла тогда навеки Сечь.
 Так поступили с Запорожцами по зверски
 И это непонятно нам никак;
 За что сидел так долго Кальнишевский
 И умер он в далеких Соловках?
 О, Боже, Боже! Разве-же не страшно
 И можно-ли забыть и не тужить,
 Что там, где Платов шел победным маршем,-
 Вдали от Родины должны мы жить...
 Молчат Кавказа горные вершины,
 Где Казаков Закланов прославлял...
 Теперь все горы, степи и долины
 Пришелец жадный с севера забрал.
 Кому служили и кого спасали
 И кто признал все жертвы Казаков?...
 Ой, поздно, поздно мы про то узнали,-
 Что стоит честь и слово Русаков!
 И плачь-не плачь, а жизнь всегда такая:
 Обиду сами мы должны носить,-
 Служили мы другим - того не зная,
 Что будут нам они за это мстить.

III.

Но подошло всеобщее крушение
 И мы не поняли истории урок:
 На "белое" поддались искушенью
 И закружил нас в вихре злобный рок.
 Что говорить: была тогда отвага,-
 Громил врага Гусельщиков не раз,
 Ходил в Россию Мамантов без страха,
 Весть о Шкуро повсюду разнеслась.
 Но можно быть и дерзким и быть смелым,
 Но все-же, под конец, не победить:
 Союзники доверили все "белым",
 А нам у них - оружие просить.
 Победы взлет и горечь поражения:
 Краснов, Богаевский и Каледин...
 И в тяжкий час терзанья и сомненья,-
 Кто - ты: Казак или России сын?...
 И все пропало: силы разбросали,
 А "белые" старались управлять,-
 Избранников Казачьих начинали
 По очереди вешать и стрелять.
 Мы были одиноки, без сомненья:
 Сначала "Скоблины" продали нас врагу,
 В Новороссийске, будто на съеденье,
 Оставили Донцов на берегу.
 Предали после также и Кубанцев:
 От плена мало их тогда спасли;
 И заморозили в степи Уральцев,
 Не посадив совсем на корабли.
 А корабли пустыми вдаль поплыли,
 Где Персам их продали за гроши:

Казачьи жертвы сразу позабыли,
 Когда делили жадно барыши.
 Горела степь от края и до края,
 Но не нашел Казак своей души.
 И пала ночь холодная, немая,
 Жить тяжело средь жуткой тишины.
 Казачьей крови много так пролилось,
 Но не сгорели Казаки в огне
 И будут думать, как-бы им ни жилось,
 О своей Воле и своей Стране.
 После обид и жизненных крушений,
 Хотя не все, мы стали понимать,
 Что не должно быть прежних отношений:
 Добра от Русских нам не ожидать!
 Два полюса, два Мира, два народа
 И никогда их вместе не связать:
 Один не знает, что значит - Свобода,
 Другой не хочет рабства принимать!..

IV.

Ну, как, станичник? Что-же нам осталось?
 Где наше право? Где наша Земля?..
 Судьбою раньше много нам прощалось,
 Но зря испытывать ее нельзя.
 И нам пришлось узнать на своей шее,
 Что не всегда так ласкова судьба,
 Что покарать она того сумеет,
 Кто позабудет самого себя.
 Мы много лет пробыли на чужбине.
 Кто не старался нас объединять?
 И есть такие, что еще до ныне
 Нам о России без конца твердят.
 Прошли мы Льенц и каторгу Советов,
 Узнали, что такое - "русский брат",
 И что-то ищем мы на свете этом,
 Не зная, как себя еще назвать.
 И те, кто Русью подлинной зовется,
 Не проявив себя пока ничем,
 От отупенья может быть очнется,
 Когда не станет Казаков совсем.
 А пока что, они, как и другие,
 Штыками гонят Казаков в Сибирь
 И уверяют, что они, все-ж,- люди не плохие,
 Что это - "русский угнетенный мир".
 О, горе, горе!.. Где-же в Мире правда?
 Что нужно делать, чтоб ее найти?
 Что принесет грядущее нам завтра:
 Проснется-ль жизнь в истерзанной степи?..
 Широкий Дон задумался и дремлет
 И не кипит, как встарь, его волна;
 Сатихла степь и звукам дальним внемлет,
 Но даль всегда безмолвна и смутна.
 Где тает в сумерках степные грани,
 Меняется и вид и кругозор,-
 Грустят зеленые поля Кубани,
 Ища защиты у Кавказских гор.
 И Терек бурный больше не бушует:
 О Казаках своих безмолвно он грустит;

Полями ветер только один дует
 И то-ли биль, то-ль сказку говорит.
 Гуляет ветер во степи широкой
 И низко клонит он к земле ковыль...
 Как все бывшее отошло далеко!
 Как время мчится и уносит биль!
 Как на душе так наболело много!..
 Кому поведать всю нашу печаль?
 Кому не ясно,- где наша дорога?
 Кому родной, несчастный Край не жаль?..

- - -

Кажется,- ветер стал в поле стихать,-
 Ветер вернулся на круги назад...
 Нам-ли всю правду теперь не видать?
 Нам-ли ошибку свою не понять?
 Тот, кто старался свое продавать,
 Сделке нечистой потом был не рад;
 Не оправдал и не спас он себя,-
 Зло посмеялась над ним-же судьба.
 Где-б ни скитаться и где-б ни жить,
 Но о своем сердце вечно болит:
 Была-б только к родному любовь,-
 Станет свободною родина вновь.
 Ой, ты, степной серебристый ковыль!
 Время придет - ты поведаешь биль;
 Время придет: кровь сама позовет -
 Биться с врагом за Казачий Народ!..

БУДУЩЕЕ.

Весь Мир молчит. Оскалив зубы,
 Глядит с насмешкой наглый хам,-
 В его словах, нарочно грубых,
 Угроза слышится всем нам.
 Весь Мир молчит и притаился;
 Понял-ли он, иль не понял:
 Кто лживым лозунгом прикрылся,
 Кому он долго помогал?
 Взлетают с гулом вверх ракеты,-
 К концу все, будто, подошло.
 Мы ищем с жадностью ответа:
 Кто победит?- Добро, иль Зло?
 И в этом будущем угрюмом:
 Чем станет вся наша печаль,
 Когда падут ракеты с шумом,
 Сжигая жизнь и плава сталь?..
 Теперь-ли думать нам о старом?..
 Напрасны были наши сны:
 Россия приняла недаром,
 Вместо креста, знак Сатанин.
 Мы-Казаки служили Богу,-
 Не покорились мы звезде,
 Забудем мы нашу тревогу:
 Правда придет в грядущем дне!
 Тьма не осилит и растает,
 Пробудит совесть Бог в сердцах

И Мир услышит, Мир узнает,
Что Казаки опять в степях!

М.И. Гаврилов.

Труа.

---+---

РОМАН ЛАЗАРЕВ.

(Из воспоминаний).

Это был странный для нашей эпохи человек. Мне кажется, что он опоздал родиться этак годков на триста: ему надо было-бы быть в походах с Черкашениным, Татариновым, Каторжним, Калюжным на Кафу, Конию, Трапезунд и Стамбул, или с Разиным на Кизилбашскую страну, - тогда он мог-бы развернуться во всю ширь своей натуры - рукопашный бой, "здобычь зипунов", безумная храбрость и бесшабашное проживание своей части "здобычи" с дувана.

Я не собираюсь писать его биографию, но так как мне пришлось несколько раз встречаться с ним на Дону, а также беседовать с человеком, последним видевшего Лазарева перед смертью, то считаю не лишним оставить для грядущих поколений мои воспоминания об этом курьезном казачке.

Роман Григорьевич Лазарев был казаком Усть-Бело-Калитвенской станицы. По окончании Новочеркасского военного училища он был выпущен хорунжим в 10-й Донской казачий полк, командиром которого в это время был будущий Донской Атаман - полковник Петр Николаевич Краснов.

Об этой эпохе есть небольшая сценка, взятая автором, что называется - с натуры, в романе П.Н. Краснова "От двуглавого орла до красного знамени", где полковник Карпов (т.е. сам Краснов, принимает доклад своего помощника: "Хорунжий Роман Лазарев опять жидка побил". Таковые происшествия, по свидетельству автора, были чуть-ли не каждую пятницу. Все это спускалось Лазареву, принимая во внимание его безразсуднуюливость в джигитовке и строевой службе. С Первой Мировой войны он вернулся на Дон сотником и, кажется, георгиевским кавалером.

Когда есаул Василий Михайлович Чернецов стал собирать партизанский отряд для защиты Дона, то одним из первых к нему явился сотник Лазарев.

По свидетельству одного из старых Чернецовцев - войскового старшины Афанасьева - своей безумной храбростью затенял даже самого Чернецова, который, будучи спокойно-выдержанным смелым бойцом, не рисковал все-же на такие выходы, которые позволял себе Роман Лазарев, как например: одному ехать на локомотиве на какую-то станцию, где собирается большевистский митинг и, явившись туда, разогнать многосотенную толпу, имевшую оружие, имея при себе только шашку, револьвер и несколько ручных гранат. Действительно, что "смелым Бог владеет" и "смелость города берет"!

После смерти Атамана Каледина, все партизанские отряды, сведенные в Донской партизанский полк, под командой будущего Донского Атамана - генерала Африкана Петровича Богаевского, по неизвестным причинам не вошли в подчинение Походному Атаману Дона - генералу Петру Харитоновичу Попову, а командующему Добровольческой Армией - генералу Лавру Георгиевичу Корнилову, с которым и пошли на Кубань, вместо того, чтобы защищать свой родной Дон. С этим полком, как партизан, ушел на Кубань и Роман Лазарев.

В начале лета 1918 года, когда по всему Дону поднялись казаки на защиту своего Казачьего Присуда, в Усть-Медведицком округе восставшие казаки бились с красными на линии железной дороги от станции Лог через Серебряково, Панфилово до станции Кумылги. Административной частью восставших руководил "Совет Вольных станиц и хуторов", а военными

операциями - войсковой старшина Александр Васильевич Голубинцев, бывший командир 3-го Донского Атамана Ермака Тимофеева полка на германском фронте.

То-ли Голубинцев был не достаточно решительным, то-ли ему далеко было до талантливого красного полководца - полковника Филиппа Кузьмича Миронова, но вдруг красные обошли казачий фронт и стали заходить в тыл. Восставшие откатились поспешно за реку Дон, естественное прикрытие, позволившее привести в порядок разрозненные силы. Связи с Новочеркасском еще не было, хотя уже знали, что Кругом Спасения Дона избран Донским Атаманом генерал Краснов. Так как Краснову приходилось одновременно налаживать все: и гражданское управление и военное, то, конечно, еще не по всему Дону была налажена связь и руководство всеми военными операциями.

Восставшие казаки Усть-Медведицкого округа растерялись от неудачи, постигшей их на фронте, и некоторые части замитинговали: с чем вести борьбу, когда почти нет снарядов к трем пушкам и патронов к винтовкам и нескольким пулеметам? Стоит-ли игра свеч?..

Никаких видимых мер командующий войсками округа Голубинцев не предпринимал, повидимому - не имея надежных частей, кроме небольшого партизанского отряда из учащихся - подесаула Алексеева и таких отдельных выдающихся казаков, как есаул Александр Николаевич Лашенов и хорунжий Кузьма Фирсович Крючков.

Некоторые из восставших казаков, еще не хлебнувшие горя от "богоносного" Московского воинства, выражали желание примириться с советской властью и разойтись по домам.

Красных сдерживали на берегах Дона только партизаны и некоторые отдельные, стойкие духом, группы казаков. Казалось, что положение было совершенно безнадежным и без прибытия новых сил с запасами патронов и снарядов - никакая сила не смогла поднять упавший дух у восставших казаков.

И вот в это время по дороге, ведущей на станицу Чернышевскую и станцию Морозовскую, с вершины горы "Пирамиды", на склоне которой расположена Усть-Медведицкая станица, раздались звуки трубного оркестра и по станице и по частям восставших молнией пронеслась весть:

- "Походный атаман Лазарев с отрядом!" -

Поскольку мне известно, Лазарев имел от Донского Атамана инструкцию поднимать восстание на Верховом Дону, так как в Новочеркасске еще не знали достоверно, что Усть-Медведицкий округ уже ведет борьбу с красными, в Коперском округе действует партизанский отряд сотника Павла Романовича Дудакова, а станицы Мигуленская, Казанская, Каргинская и Боковская Верхне-Донского округа разбили большой отряд красных, захватив до двух десятков пушек и повесивших казачьих изменников: вх-мистра Донской гвардейской батареи - подхорунжего Подтелкова и прапорщика Кривошлыкова (три пушки: две трехдюймовки с 150 снарядами и четырех с половиной дюймовую мортиру с 40 снарядами они дали восставшим казакам Усть-Медведицкого округа).

Титул "Походного Атамана" Лазарев присвоил себе по собственной инициативе, видимо копируя по своему Степной Поход, но кого и чего был этот "Походный" - никому не было известно, да вряд-ли и сам Роман Григорьевич отдавал себе в этом отчет.

Весь его отряд состоял из пятидесяти казаков, в большинстве его станичников - Усть-Бело-Калитвенцев, из которых человек двенадцать составляли хор трубачей.

На другой день на Верхнем или Базарном майдане, близ казарм местной команды, были собраны все митингующие части восставших. Лазарев, по своему обыкновению - "на взводе", во главе своего отряда явился туда и сразу скомандовал:

- "Кто за борьбу с красными - шаг вперед!" -

И... чудо совершилось! Еще вчера павшие духом казаки чуть-ли

не поголовно шагнули вперед. То-ли не поняв - в чем дело, то-ли на самом деле решившие мириться с красными, - несколько десятков казаков остались на месте. Лазарев приказал им сомкнуться и выйти вперед. Когда это было исполнено, то он подскочил к ним на коне и гаркнул:

- "Брось святое оружие из поганых рук!.." -

Оробевшие казаки бросили оружие на землю. Лазарев командовал своему отряду:

- "Гнать их плетью по майдану!" -

Прогнав таким образом "пенных" казаков на противоположную сторону майдана и назад, Лазарев велел остановиться.

- "Желаете верно служить Дону?" -

- "Так точно: желаем!" -

- "Верите свое оружие и ступайте по своим местам!" -

Благодаря проходу отряда Лазарева от станции Морозовской до Усть-Медведицкой, телеграфная связь с Новочеркасском была установлена и Голубинцев сообщил Донскому Атаману о всем происшедшем на Верховом Дону. От Краснова последовало сообщение, что в Усть-Медведицкую выехал генерал Фицхелауров, назначенный командующим войсками Усть-Медведицкого округа.

Спустя несколько дней, новый командующий, произведя перегруппировку, повел наступление на левый берег Дона. В горячем бою под хутором Шашкиным пало двенадцать партизан-учащихся и среди них мой одноклассник - Михаил Иванов, не пожелавший бросить нестрелявший пулемет и поплатившийся за это жизнью: его изрубили красные. В этом же бою погиб мой станичник - урядник Спиридон Семенович Выкадоров, прошедший всю мировую войну на германском и на турецком фронтах и всегда отличавшийся храбростью и какой-то болезненной привязанностью к боевой службе: он себя чувствовал в бою, как дома, а дома, - как в гостях. Он был родным дядей моего наипервейшего односума - Романа Андреевича.

Это была одна из патриархальных семей, которыми держался Казачий Присуд на Дону. На моей памяти семья состояла: из прародителей, родителей, двух женатых внуков - Андрей и Спиридон - и свыше десятка правнуков обоюбого пола. Вся эта дружная старообрядческая семья жила в одном большом курене, хотя и не богато, но и без бедно.

Результатом наступления возродившихся Донцов быстро выразился во взятии всей железно-дорожной линии от Урюпинской до Царицына и в очищении от "краснокожих" всего Верхового Дона.

Роман Лазарев, после боев под Усть-Медведицкой, загулял с своим отрядом и никому не подчинялся, чем дискредитировал командующего войсками округа генерала Фицхелаурова. Последний послал по прямому поводу рапорт Донскому Атаману, в котором, видимо, осторожно намекнул на Лазарева, хорошо зная слабость Краснова к старым сослуживцам.

Краснов прислал телеграмму Фицхелаурову, в которой приказывалось всем воинским частям беспрекословно подчиняться командующему войсками округа, которым он назначил ген. Фицхелаурова. В конце телеграммы была написана довольно-таки двусмысленная фраза: "Веспутному, но милому моему сердцу Роману Лазареву - привет. Донской Атаман П.Краснов".

Фицхелауров не без умысла вручил эту телеграмму Лазареву, который несколько дней носился с ней по Усть-Медведицкой, показывая ее всем и каждому. Таким образом, совершенно не соображая того, он сам упрочил авторитет Фицхелаурова и снизвел себя с пьедестала "Походного Атамана" на должность заурядного начальника партизанского отряда в чине войскового старшины.

Продолжая "гулять" в Усть-Медведицкой, Лазарев избрал местом своих пирушек городской сад, где под звуки лихих трубачей "Донское игристое" и "Цимлянское" лились рекой. Прямо непостижимо: откуда он доставал это вино, когда в церквях не было красного вина для Св. Причастия и его заменяли взваром из вишен?!

Одна из таких попойек закончилась трагедией. В пьяном виде Лаза-

рев, под каким-то ничтожным предлогом, выстрелом из револьвера убил своего родственника подьесаула Никитина. Хотя дело было замято и представлено, как "несчастный случай", все-же Фицхелауров им воспользовался и предложил Лазареву, "во избежание всяких недоразумений", покинуть пределы Усть-Медведицкого округа, что Лазарев немедленно же и исполнил, сознавая хорошо, что на этот раз он, что называется, - "переборщил". Взяв направление кратчайшим путем на Хоперский округ через станцию Глазуновскую (в тридцати пяти верстах от Усть-Медведицкой) на Кумыженскую (Хоперского округа, в восемнадцати верстах от Глазуновской), он к вечеру на другой день приехал на ночевку в нашу станицу.

После приезда Лазарева в Усть-Медведицкую и наведения своеобразным способом порядка и дисциплины у оставших, мой отец написал короткую заметку, довольно в лестном для Лазарева тоне, в единственной газете, выходившей в округе, - "Север Дона". Дабы скрыть польщенное самолюбие, Лазарев по этому поводу небрежно сказал при свидетелях:

- "Этим писателям надо руки поотрублять."

Но, приехав в нашу станицу, он первым долгом обратился к станичному атаману уряднику Назарову с просьбой познакомить его с "великим Донским писателем Федором Дмитриевичем Крюковым". Назаров в точности передал эти слова Лазарева моему отцу. Роман Григорьевич был, к слову сказать, большой любитель пышной фразеологии и преувеличений и пользовался этим при всяком удобном и неудобном случае, особенно - будучи "на деселе", что с ним случалось, повидимому, триста шестьдесят пять дней в году.

Мой отец имел неосторожность через посредство станичного атамана предложить Лазареву, по древнему казачьему обычаю гостеприимства, переночевать в нашем курене и, безусловно, потом жалел про себя о случившемся.

После ухода атамана младшая сестра моего отца - Мария Дмитриевна - выразила свои опасения:

- "Федя! Ведь он-же может убить тебя, как Никитина... Такой сорванец!.." -

Отец недовольно поморщился и махнул ей рукой:

- "Отстань с своими бабьими выдумками, Маша! Не настолько он глуп, чтобы стал посягать на мою жизнь!" -

Лазарев явился в сопровождении своей свиты из нескольких офицеров (старший из них был в чине подьесаула, а остальные были сотники или хорунжие), под звуки музыки, игравшей веселую казачью песенку:

"Ой, вы, бабочки, вы, козявочки!

Ой, вы - вольные, вы - роскошные!

Только-б вам попить, только-б погулять:

Мужа дома нету - некому ревновать..."

Через настесь гостеприимно-открытую "парадную" дверь в корридор с рядом огромных оконных рам во всю наружную стену, служивший летнее время одновременно столовой и салоном, быстрой походкой вошел некоего роста круглолицый и румяный человек, весь - как на пружинах, в белой кубанской папахе, с красным башлыком за плечами, в гимнастёрке, на которой среди ряда орденов ярко выделялся своей новизной орден Первопоходников - терновый венец, пронзенный мечем. На плечах у этого человека были погоны войскового старшины.

Быстрым движением руки скинув папаху, с скорыми и низкими поклонами он представился отцу и всей нашей семье:

- "Войсковой старшина Лазарев Роман Григорьевич, казак Усть-Бело-Калитвенской станицы."

Потом он представил своих офицеров (фамилии их я не помню). Манера низких и скорых поклонов меня изумила: это было не в обычае у Донских казаков. Я даже подумал тогда:

- "С кого-то копирует... Уж не у Кубанцев-ли существует такая манера кланяться?.." -

Но в последствии я убедился, что это он воспринял от кого-то другого, но не от казаков.

В коридоре был накрыт для ужина длинный стол. Отец извинился перед Лазаревым за отсутствие вина, так как имевшийся небольшой запас был "ликвидирован" красными.

- "Об этом, пожалуйста, не беспокойтесь, Федор Димитриевич," - ответил Лазарев: - "С вашего разрешения я поставлю свою выпивку."

И он безмолвно подал знак стоявшему около дьери казаку, не то вестовому, не то дневальному. и через несколько минут на столе появилось около двух десятков засмоленных бутылок "Донского игристого" и "Цимлянского".

К ужину гости прикасались мимоходом, но содержимое стаканов исчезало и вновь возобновлялось со сказочной быстротой. Перед рундуком во время ужина играли трубачи.

Когда формальная часть ужина была закончена и на столе появились домашние сухие печенья и вновь очередной взвод бутылок, полных вина, Лазарев позвал вахмистра отряда:

- "Ты вот что, вахмистр! Побеспокойся-ка насчет ужина казакам: мне вас кормить нечем."

Отец позвал меня поближе и тихо сказал:

- "Собери казаков и веди их во флигель. Нехай им дадут повечерять. А насчет спанья - часть может устроиться на сеннике, а другие нехай у соседей спросят."

Лазарев услышал это и заметил:

- "Насчет ночлега для них - не беспокойтесь: они уже расквартированы атаманом и там их кони стоят; только мои вестовые, с вашего разрешения, останутся ночевать здесь. Я-бы и за харчи не беспокоился, да люди теперь уже спят по станице и кормить среди ночи моих казаков вряд-ли у них найдется охота."

Действительно: было уже около одиннадцати ночи, а летом в станице время ценилось дороже золота, - полевые работы не позволяли "полуночищать".

Я собрал Лазаревцев и, приведя к флигелю (летней кухне), сказал моей крестной (старшая сестра отца), чтобы накормила казаков. Последние с интересом наблюдали мой разговор с глухонемой тетей Дуней, как называли ее обычно и родные и знакомые. Глухонемой она стала с семилетнего возраста, когда она уже начала ходить в церковно-приходскую школу: на Масленице ее сбила разгоряченная тройка и переехало санями. От последовавшей глухоты у нея выработался особый говор, который понимали только родные и соседи, а она сама великолепно понимала все по движению губ при разговоре.

- "У-у! Иде-жа я наберусь столько всего, светочик мой? Ить их гля - сколько!.. Есть чугун борща, дык им всем и по ложке не хлатит. Акрамя сала, да сушеных сазанов, да нардеку с сызьмой - нету ничего."

- "А яиц сварить ай сжарить?" - спросил я.

- "Яишню с салом можно врас," - согласилась крестная.

- "Ну, станишники," - обратился я к казакам: - "борща всем пожалуй не хлатит, так что не будьте в обиде; будет яичница с салом, сушеная рыба, сызьма и нардек."

- "Хо-о!" - обрадовались казаки: - "дык эта-жа нам аш кык на Маланьину сватбу!.. Ить она дела-то какая: можна сказать - с утра не емши! На конях сидя полудновали в степе, да и то по очереди: одни песни играют, а другие кашалок пирога жуют. Так что зарас в животе у самих трубачи играют."

Мы все засмеялись и мне неволью пришла на ум старинная казачья поговорка: "казак никогда не унывает - он и на войне песни играет". В то-же время подобная небрежность Лазарева к интересам подчиненных меня удивила и, направляясь в курень, я подумал: - "Неужели в самом

деле настолько Лазарев небрежен, что не заботится о харчах для своих казаков?.."

Войдя в коридор я увидел, что гости уже были пьяны и только Лазарев, как ни в чем не бывало, пол отцу старинные казачьи песни и старообрядческие богослужебные напевы, поминутно прерывая пение и рассказывая о себе, о походах, о своей принадлежности к старой вере.

Действительно: Лазарев великолепно знал старообрядческие напевы и я не видел, чтобы он курил, но так как мы сами неофициально принадлежали к "беспоповцам", то я хорошо знал отрицательное отношение старообрядчества к пьянству, а поведение Романа Григорьевича далеко не соответствовало старообрядческим уставам в этом отношении. Не имея еще жизненного опыта я тогда несколько усумнился в правдивости утверждений Лазарева и только впоследствии лично увидел старообрядцев на фронте, грешивших против старых уставов. На мой вопрос один из этих "прегрешивших" ответил мне:

- "На войне, брат, нужда заставит, так и татарина поцелуешь!.."

Из семьи, кроме отца, уже никого в коридоре не оставалось: все ушли спать, измученные долгим сиденьем за нескончаемым "ужином". Отец любезно и внимательно слушал Лазарева, но я увидел по его лицу, что вся эта пьяная компания и изумила его и привела в недоумение подобным поведением в грозные для Дона дни.

Отец строго придерживался старых обрядов: не любил табачного дыма, не пил, если не считать одной рюмки вина по какому-нибудь исключительно-торжественному случаю. И теперь перед ним сиротливо стоял дукмас "игристого", к которому он не притронулся с самого начала этого, необычайного в нашем курене, "ужина".

Но верхом неприличия было то, что Лазарев не постеснялся провести ночь в нашем курене в "интимной обстановке" с какими-то двумя "городскими" женщинами, увезенными им, якобы, из Усть-Медведицкой.

На другой день, распрощавшись, Лазарев уехал с своим отрядом в Кумылженскую и на третий день "горожанки" заехали на обратном пути к нам и рассказали, что подъезжая к Кумылженской Лазарев осведомился у провожатого: есть-ли в станице река? Узнав, что станица стоит на берегу речки Кумылги, он приказал трубачам играть известную песню про Степана Разина: "А чтоб не было раздора между вольными людьми, Волга, Волга, мать родная, - на! красавицу прими!"

Женщины говорили, что они не на шутку перепугались, предполагая что Лазарев, подделываясь под грозного атамана, может их утопить. Но так как в речке в это время было воды, что называется - "по колена воробью", то Лазарев приказал трубачам вновь перейти на его любимую - "бабочки-козявочки".

В Кумылженской он велел женщинам найти подводу и ехать обратно, заявив, что он возиться с ними не намеривается.

Что он делал в Хоперском округе - мне не известно и увидел я его снова, совершенно случайно, в августе 1919 года на Иорданском слухе к Дону в Усть-Медведицкой, куда отступали с боями части Северо-восточного фронта, для сокращения фронтовой линии, ослабленной уходом корпуса Мамантова в рейд.

На Лазареве была форменная шинель, фуражка и погоны полковника Назаровского полка Атаманской дивизии. Мельком взглянув на него, я заметил к своему удивлению, что он, вопреки своему обыкновению, не был "на взводе", а только "чудок похмелившись".

Мы стояли в районе Клетской станицы, куда к командиру пластунской бригады - генералу Александру Михайловичу Сутулову - приехал мой отец и потом рассказывал мне, что туда, неизвестно зачем, явился и Лазарев, под сильным хмельком. Так как Сутулов пригласил отца ознакомиться с бригадой на фронте, то они поехали на тачанке по полкам и с ними увязался и Лазарев. Дорогой он показывал свою лихость в джигитовке:

приказав кучеру гнать лошадей по весь дух, он соскакивал с тачанки и вскакивал к ней на полном ходу.

Отец, улыбаясь, закончил свое повествование словами: - "Думаю, что мало найдется способных конкурировать с ним в дигитовке. Что и говорить: парень отчаянный!.. Да и собеседник он довольно интересный... Боясь только, что невоздержанность к "возлиянию" сможет погубить его: Краснова теперь нет и заступиться за него будет некому..." -

Осенью этого-же года мы были с отцом в Новочеркасске и он, придя с заседания Войскового Круга, со смехом рассказал мне, что его с заседания вызвал Лазарев в приемную Круга, где почтительнейше вручил ему два или три постановления каких-то хуторов, - "избравших полковника Лазарева депутатом Войскового Круга".

Отец объяснил Лазареву, что никаких "выборов" и депутаты сейчас производить нельзя, так как Круг находится в полном составе и что только в будущем, при новых выборах депутатов Круга по всему Дону, он может выставить свою кандидатуру, причем - не на хуторских, а на станичных сборах.

- "Сапужал, должно, каких-нибудь стариков, а то просто - магарыч поставил," - смеялся отец...

Снова я услышал о Лазареве только в Крыму: говорили, что будто он убил какого-то извозчика и за это был приговорен военно-полевым судом к расстрелу.

Подробности я узнал уже находясь в Турции от племянника Лазарева - хорунжего Павлова, который был последним из видевших Романа Григорьевича перед расстрелом.

Оказывается, что извозчика убил адъютант Лазарева. Последний, несмотря на то, что был совершенно пьян, все-же сообразил в чем дело и немедленно отправил адъютанта на фронт, решив выгородить этого молодого сорванца.

Действительно: военно-полевой суд признал Лазарева виновным не в убийстве, а в "сообщничестве", так как он отказался сообщить фамилию настоящего убийцы. Поэтому, якобы, Лазарев не был разжалован и был приговорен не к повешенью, как это совершенно ошибочно утверждалось в № 7 "Казачьего Исторического Сборника", а к расстрелу, с сохранением чинов и орденов. Между прочим, я совершенно не согласен с мнением редакции "К.И.С.", что "Лазарева надо было повесить раньше". По моему: не будь-бы Лазаревых и Чернецовых - кто знает, как-бы прошли события на Дону в то время? Может быть не было-бы ни Степного Похода, ни тем более образования Доброй Армии Алексея Корнилова, ни героической борьбы Казачьего Народа за свой Присуд и за Казачье имя?..

Павлов простился с Лазаревым, когда из Симферопольской тюрьмы его повезли на расстрел.

- "Бодро вскочив в фаэтон, он махнул мне рукой, сел и заиграл старинную песню: "Под ракитой зеленой казак голову склонил, он не сам ее склонил - турок шашкою срубил"..."

Так закончилась жизнь этого избалованного казака, храброго до безумия, избалованного именно тогда, когда его нужно было воспитывать, держа "в железных перчатках", на что был способен только П.Н.Краснов, перед которым Лазарев преклонялся и которого боялся. Но Краснову в то время было не до Лазарева - он всецело был поглощен заботами по возрождению былого величия Вольного Дона...

П.Ф.Крыков.

Примечание: Этот отрывок из моих воспоминаний был мною написан для "Казачьего Исторического Сборника", но смерть И.П.Буданова задержала опубликование настоящей краткой повести о "бесцутном, но милломоему сердцу" Романа Лазарева.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ.

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ

ВСЕВЕЛИКОГО ВОЙСКА ДОНСКОГО.

ЧАСТЬ ОБЩАЯ.

Раздел I. - Глава I.

- 1.- Всевеликое Войско Донское есть самостоятельное государство, основанное на началах народоправства.
- 2.- Верховная и законодательная власть в пределах Войска Донского принадлежит Войсковому Кругу.
- 3.- Высшая исполнительная власть во Всевеликом Войске Донском принадлежит Донскому Атаману.
- 4.- Судебная власть во Всевеликом Войске Донском принадлежит Судебным Установлениям и лицам, осуществляющим ее именем закона.

ЧАСТЬ ОСОБЕННАЯ.

Раздел II. - Глава II.

Войсковой Круг.

- 5.- Войсковой Круг состоит из членов, избираемых на три года на основании Положения о выборах.
- 6.- Войсковой Круг созывается Донским Атаманом ежегодно на две очередные сессии; время созыва определяется самим Кругом.
- 7.- В чрезвычайных же случаях Войсковой Круг созывается Донским Атаманом по собственному волеизъявлению или по заявлению одной четверти всего числа членов Войскового Круга.
- 8.- Продолжительность сессии определяется самим Кругом.

Глава III.

Предметы ведения Войскового Круга.

- 9.- Войсковому Кругу принадлежит право:
 - а) Издавать, изменять, дополнять и отменять законы.
 - б) Избирать Донского Атамана.
 - в) Избирать Войскового Контролера.
 - г) Разсматривать и утверждать бюджет.
 - д) Разсматривать и утверждать сверхсметные ассигнования и разрешать заключения займов.
 - е) Разрешать выпуск кредитных билетов и обязательств Государственного Казначейства.
 - ж) Утверждать отчеты ведомств.
 - з) Объявлять войну и заключать мир.
 - и) Утверждать политические и торговые договоры, а равно все те, которые сопряжены с обязательствами Войскового Казначейства, или исполнении которых требует изменения или дополнения законов.
 - к) Объявлять амнистию.
 - л) Предъявлять запросы Правительству.
 - м) Устанавливать контингент призываемых на военную службу.
 - н) Передавать суду членов Круга, Атамана, Управляющих Отделами, Войскового Контролера и Войскового Секретаря.
 - о) Разрешения на выдачу концессий и на сдачу в долгосрочную аренду Войсковых земель.
- 10.- Для открытия Войскового Круга требуется присутствие не менее двух третей всего числа членов Круга.

II.- Президиум Круга состоит из Председателя, товарищей его и Секретаря, избираемых Кругом из числа его членов; Председатель и Секретарь - на весь срок полномочий членов Круга, а товарищи Председателя - на каждую сессию отдельно.

12.- Порядок рассмотрения дел в Круге и положение об его организации определяется самим Кругом.

Глава III.

О членах Круга.

13.- Члены Круга пользуются полной свободой суждений, мнений и голосований по делам, подлежащим ведению Круга, и никакой ответственности, кроме как перед самим Кругом, за высказанные в заседании Круга и его комиссиях и, вообще, при исполнении своих депутатских обязанностей, суждения и пр. действия не подлежат, как во время работы, так впоследствии, по окончании срока полномочий.

14.- Члены Круга освобождаются от призыва на военную службу по мобилизации.

15.- Член Круга может быть подвергнут лишению или ограничению свободы не иначе, как по распоряжению судебной власти; суду же предается постановлением Войскового Круга.

16.- Для лишения или ограничения прав и свободы члена Круга во время сессии его должно быть испрошено разрешение Круга, кроме случая задержания члена Круга при самом совершении преступного деяния уголовного характера.

16-1.- Против членов Войскового Круга за преступные деяния, совершенные при исполнении или по поводу исполнения обязанностей, лежащих на них по сему званию, уголовное преследование возбуждается по постановлению административных департаментов Донского Сената. Когда по обстоятельствам дела окажется нужным предварительное следствие, производство такового возлагается на одного из членов Судебной Палаты по определению общего собрания департаментов ее, а прокурорские обязанности исполняет обер-прокурор Уголовного Кассационного Департамента Сената. Оконченное следствие вносится при заключении сего обер-прокурора о дальнейшем направлении дела на обсуждение Войскового Круга, который постановляет о прекращении начатого уголовного преследования, или о предании обвиняемого Суду.

16-2.- Член Войскового Круга за преступные деяния по службе подлежит суждению Уголовного Кассационного Департамента Сената в судебном его присутствии по правилам закона 11 апреля 1917 года.

17.- Прочие права и обязанности членов Круга предусматриваются в положении об организации Круга.

18.- Заседания Круга публичны, исключение устанавливается Положением о Круге.

Раздел III. - Глава V.

О Донском Атамане.

19.- Донской Атаман есть глава Всеволокого Войска Донского.

20.- Донской Атаман избирается Войсковым Кругом из Донских казаков на три года.

21.- В случае прекращения полномочий Атамана до истечения 3 лет (смерть, отказ от должности и т.п.) власть его, впредь до избрания нового Атамана, переходит к Председателю Совета Управляющих, который немедленно созывает Войсковой Круг.

Глава VI.

Права и обязанности Донского Атамана.

22.- Донскому Атаману принадлежит право законодательной инициативы.

23.- Донской Атаман в недельный со дня поступления к нему принятого Кругом закона срок передает его для обнародования Донскому Сенату.

24.- В случае несогласия Атамана с принятым Войсковым Кругом законом, он имеет право в течение того же недельного срока возвратить его Кругу для вторичного рассмотрения.

Примечание: Право Атамана на возвращение закона для вторичного рассмотрения Кругу не распространяется на Основные Законы.

25.- Если закон после нового рассмотрения в Круге принимается вторично, он немедленно обнародывается в установленном порядке.

26.- Указанный недельный срок сокращается до 2 дней, если Круг признает закон неотложным.

27.- Атаман назначает Председателя Совета Управляющих Отделами и поручает ему образование Совета.

28.- Атаман утверждает Управляющих Отделами и Войскового Секретаря по представлению Председателя Совета Управляющих.

29.- Атаман утверждает по представлению Управляющих Отделами высших чинов Управления Войском Донским до начальников отделений включительно.

30.- Атаман ведет от лица Войска Донского сношения с иностранными державами, для чего назначает посланников и консулов: первых по представлению Управляющего Отделом Иностранных Дел, а последних - Управляющего Отделом Торговли и Промышленности.

31.- Атаман заключает от имени Войска международные договоры.

32.- Если бы обстоятельства потребовали немедленного объявления войны, то Атаман обязан взять это на себя и сейчас же созвать Войсковой Круг для обсуждения создавшегося положения.

33.- Атаман призывает к отбыванию воинской повинности население области на основании существующих на сей предмет законов.

34.- Атаман есть Верховный Вождь Донской Армии и Флота. Донскому Атаману принадлежит верховное начальство над всеми сухопутными и морскими вооруженными силами Донского Войска. Он издает приказы относительно дислокации войск, приведение их на военное положение, обучения и прохождения службы чинами армии и флота и всего вообще, относящегося до устройства вооруженных сил и обороны Войска Донского. Донским Атаманом устанавливаются ограничения в отношении права жительства и приобретения недвижимого имущества в местностях, которые составляют крепостные районы и опорные пункты для армии и флота.

35.- Атаман производит военных за отличие в делах против неприятеля и за отличие по службе, а также военных и гражданских чинов за выслугу лет в чинах, назначает им награды и утверждает все назначения, которые делаются по команде.

36.- Приказы и распоряжения Атамана, касающиеся отдельных Управлений, скрепляются Председателем Совета Управляющих Отделами и Управляющим подлежащего Отдела.

37.- За свои приказы и распоряжения Атаман несет ответственность вместе с скрепляющим их Управляющим Отделом перед Кругом.

38.- За преступления против Войска Донского Круг возбуждает уголовное преследование против Атамана не иначе, как по постановлению о сем большинства двух третей голосов наличных членов Круга. Когда по обстоятельствам дела окажется нужным предварительное следствие, производство такового возлагается на одного из сенаторов Кассационного Департамента Донского Сената, по определению Общего Собрания его Де-

партаментов, прокурорские обязанности исполняет обер-прокурор Уголовного Кассационного Департамента Сената. Означенное следствие вносится при заключении обер-прокурора Уголовного Кассационного Департамента Сената о дальнейшем направлении дела в Войсковой Круг, который постановляет о прекращении возбужденного преследования или о предании обвиняемого суду. Постановление Войскового Круга о предании суду должно последовать не иначе, как по большинству двух третей голосов присутствующих. За преступные деяния по службе Донской Атамана подлежит суждению Уголовного Кассационного Департамента Сената в судебном его присутствии по правилам закона 11 апреля 1917 года.

Примечание: На время нахождения Донского Атамана под судом, власть его переходит к Председателю Совета Управляющих Отделами.

Глава VII.

41.- С момента объявления войны до заключения мира Атаман получает право:

- 1) Мобилизовать население Войска Донского в количестве по мере надобности и в порядке призванных сроков по своему усмотрению.
- 2) Формировать новые воинские части, создавать учреждения, должности Военно-Морского Управления, утверждать штаты этих учреждений и производить своей властью все назначения по Военно-Морскому Управлению.
- 3) Открывать кредиты на военные надобности по соглашению с Советом Управляющих до созыва Круга.
- 4) Объявлять те или иные группы населения военнообязанными.
- 5) Реквизировать средства передвижения, обмундирование и довольствие для воинских частей.
- 6) Объявлять совместно с Советом Управляющих те или другие части территории Войска Донского на военном или осадном положении.
- 7) Призывать население к трудовой повинности.

42.- По своем избрании Донской Атаман в Войсковом Соборе перед св.Крестом и Евангелием под Войсковым знаменем прилагает архиепископом Донским и Новочеркасским к присяге Войску Донскому, которую приносит в последующей форме:

" Именем Бога Всемогущего перед Святим Его Евангелием и Живо-творящим Крестом, перед Атаманскими войсковыми знаменами, кроху казачьей политими, обещаю Войску Донскому служить, не щадя живота своего, до последней капли крови и все к славе и процветанию Войска Донского направлять и закон: для того устанавливать, по крайнему своему разумению и силе, споспешествуя всему, что к Войску Донскому с рной службе и пользе Государства относиться может.

" Господи, Боже Отцов и Царю Царствующих, настали, вразуми, и управи мя в великом служении, на которое я Войсковым Кругом, Атаманами молодцами, избран и поставлен.

" Да будет со мною присядающая Престолу Твоему Премудрость, пошли с небес Святых Твоих, да разумеют, что есть угодно пред Очами Твоими и что есть право до по заповедям Твоим. Буди сердце мое в руку Твою. Аминь."

Раздел V. - Глава IX.

О Войсковом гербе, флаге и национальном гимне.

45.- Войсковой герб Войска Донского есть в голубом щите чер-ный, стилизованный степной "Елень (олень, пронзен стрелой)" - старый герб до-Петровского Донского казачества. Этот герб изображается на печати Войсковой в круге, с надписью кругом: "Всеволокое Войско Дон-

ское".

46.- Донской флаг, ныне уже существующий, состоит из трех про-дольных полос равной ширины: синей, желтой и алой, означающих нацио-нальные цвета издревле живущих на Донской земле трех народностей: Дон-ских казаков, калмыков и русских крестьян.

47.- Национальным гимном Всеволокого Войска Донского признает-ся гимн "Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон".

Раздел VI. - Глава X.

О Совете Управляющих и самих Управляющих Отделами.

48.- Совет Управляющих Отделами Войска Донского объединяет все ведомства Войска и является высшим Правительственным Органом.

49.- Направление и объединение действий отдельных ведомств по предметам как законодательства, так и высшего Государственного Управ-ления возлагается на Совет Управляющих Отделами.

50.- Ведению Совета Управляющих подлежит:

- 1) Управление Войском Донским на точном основании законов.
- 2) Составление законопроектов и представление их на уважение Войскового Круга.
- 3) Право издавать в перерыве между сессиями Круга с утвержде-ния Атамана законы с тем, чтобы они были представлены на рассмотрение ближайшей сессии Войскового Круга.
- 4) Составление проекта росписи государственных доходов и рас-ходов и разрешение сверхместных и дополнительных кредитов.
- 5) Дела о назначении пенсий.
- 6) Вопросы, касающиеся отчуждения государственных и частных имуществ.
- 7) Вопросы, вносимые на обсуждение Совета Донским Атаманом.

51.- Совет Управляющих состоит под председательством Председа-теля Совета Управляющих Отделами.

52.- Во время председательствования в Совете Донского Атамана Председатель участвует, как член Совета.

53.- Дела решаются в Совете простым большинством голосов и по-становления получают обязательную силу по утверждению их Атаманом.

54.- Управление делами Совета Управляющих возлагается на Вой-скового Секретаря и подчиненную ему Канцелярию.

55.- Совет Управляющих и каждый Управляющий обязаны отчетом и ответственны перед Войсковым Кругом и Атаманом.

56.- Управляющие отчисляются распоряжением Атамана, по предст-влению Совета Управляющих, или подают в отставку в силу вотума недо-верия к ним Войскового Круга.

57.- За преступные по должности деяния Председатель Совета Уп-равляющих, Управляющие Отделами и Войсковой Секретарь подлежат граж-данской и уголовной ответственности на основаниях, в законе определя-емых.

58.- Возбуждение уголовного преследования, производство след-ствий и предание суду в отношении Председателя Совета Управляющих От-делами, Войскового Контролера и Войскового Секретаря совершается по-рядком, установленным для членов Войскового Круга. Иски же о возна-граждении предъявляются к ним в Гражданском Кассационном Департа-менте Донского Сената в порядке закона 11 апреля 1917 года.

Раздел VII. - Глава XI.

О правах и обязанностях казаков и граждан Всеволокого Войска Донского.

59.- Условия приобретения прав граждан, равно как и прав каза-

чества, а также утрата их определяется законом.

60.- Защита отечества есть священная обязанность каждого казака и гражданина Войска Донского. Мужское население, без различия сословий, подлежит воинской повинности согласно постановлениям закона.

61.- Казаки и граждане обязаны платить установленные законом налоги и пошлины, а также отбывать повинности согласно с постановлениями закона.

62.- Никто не может подлежать преследованию за преступные деяния иначе, как в порядке, законом определенном.

63.- Никто не может быть задержан под стражей иначе, как в случаях, законом определенных.

64.- Никто не может быть судим и наказан иначе, как за преступные деяния, предусмотренные действующими во время совершения сих деяний уголовными законами.

65.- Жилище каждого неприкосновенно. Производство в жилище без согласия его хозяина обыска или выемки допускается не иначе, как в случае и порядке законом определенных.

66.- Каждый Донской казак и гражданин имеет право свободно избирать местожительство и занятие, приобретать и отчуждать имущество и беспрепятственно въезжать из пределов Войска.

67.- Донские казаки и граждане имеют право устраивать собрания явочным порядком в целях, непротивных законам, мирно и без оружия.

68.- Каждый может в пределах, установленных законом, высказывать устно и письменно свои мысли, а равно распространять их путем печатания или иным способом.

69.- Донские казаки и граждане имеют право образовывать общества и союзы в порядке, законом установленным.

70.- Все казаки и граждане равны перед законом.

71.- Все сословные привилегии и сословия отменяются.

Раздел VI. - Глава XII.

72.- Законы вступают в силу с момента окончательного принятия Войсковым Кругом и по обнародовании установленным порядком, если в самом законе не указан срок вступления его в силу или если не указано на обращение его до обнародования к исполнению по телеграфу или через нарочных.

Раздел VII. - Глава XIII.

Об органах местного самоуправления.

73.- Всевеликое Войско Донское разделяется на округа:

Черкасский, I-й Донской, II-й Донской, Донецкий, Хоперский, Усть-Медведицкий, Миусский (Таганрогский), Сальский, Ростовский и Верхне-Донской.

74.- Органами местного самоуправления являются: 1) Окружной Круг, 2) Окружное Управление, 3) Станичный и волостной сборы, 4) Станичное и волостное правление, 5) Хуторское и сельское правление.

Примечание: Таганрогский округ управляется на основании особого Положения.

75.- Окружной Круг составляется из членов Войскового Круга и депутатов от станиц, избираемых на основании Положения о выборах в Окружной Круг.

76.- Окружной Круг действует при полном согласовании с законоположениями и распоряжениями Войскового Круга, Донского Атамана и Правительства.

77.- Ведению Окружного Круга подлежит: 1) избрание на трехлетний срок Окружного Атамана, утверждаемого Донским Атаманом и 2) ут-

верждение представленных окружным атаманом помощников последнего в необходимом числе.

Примечание: Помощник окружного атамана по военной части назначается Донским Атаманом.

3) Рассмотрение местных нужд и изыскание средств и способов к их удовлетворению.

4) Изыскание всяких мер к поднятию экономического и культурного благосостояния округа, улучшения медицинского, санитарного его состояния, улучшения путей сообщения и т.д.

5) Возбуждение ходатайств разного рода перед Войсковым Кругом, Донским Атаманом и Донским Правительством, об улучшении нужд округа.

6) Рассмотрение отчетов о деятельности окружного управления.

7) Издание инструкции станичным и хуторским правлениям по поводу исполнения распоряжений и постановлений Окружного Круга.

78.- Постановления Окружного Круга исполняются Окружным Управлением.

Раздел VIII. - Глава XIII.

Об окружном атамане.

80.- Окружным атаманом может быть избрано безразлично военное или гражданское лицо из Донских казаков.

81.- Окружному Атаману принадлежит исполнительная власть в округе, ему вверенном. Он управляет округом на точном основании законов, а также разъяснений и приказаний Донского Атамана и Правительства.

82.- Круг обязанностей и прав окружных атаманов, а также штаты и порядок замещения должностей управления определяются особыми законами.

Раздел IX. - Глава XV.

О членах Войскового Круга,

в округе находящихся.

83.- Члены Круга, в округе находящиеся, собираются за неделю или за две до его созыва на несколько дней для рассмотрения вопросов, поставленных населением округа для рассмотрения на Войсковом Круге; вопросы эти должны быть заявлены письменно, за подписью не менее 30 правомочных граждан этого округа для обсуждения вопросов, внесенных Председателем Круга и для обсуждения вопросов, внесенных Донским Атаманом.

84.- Для законного состава заседаний собрания членов Войскового Круга в округе требуется присутствие не менее половины всего числа членов Круга в округе.

85.- Собрание созывает и руководит им бывший в президиуме Войскового Круга Товарищ Председателя Круга из данного округа.

86.- Члены Собрания во время заседаний получают причитающееся члену Войскового Круга содержание по смете из Войсковых сумм.

Раздел X. - Глава XVI.

Об управлении станицами и волостями.

87.- Каждый округ разделяется на станичные юрты и волости. В станичный юрт входят все станичные хутора, поселки и иные селения, находящиеся в его юрте; равным образом, в район волости входят хутора

и поселки, находящиеся в данной волости.

88.- Все жители данного юрта именуется гражданами такой-то станицы или волости, и все приписанные к войсковому сословию именуется, кроме того, казаками.

89.- Станицы управляются выборными на три года станичными атаманами, волости - выборными на таких же основаниях волостными старшинами, хутора - хуторскими атаманами и села - сельскими старостами, избранными, на тот же срок, без представления их к утверждению в должности.

90.- Правила и порядок выборов у казаков особыми законами.

91.- При станичном и хуторском атаманах, волостно, старшине и сельском старосте существуют особые правления, штаты и круг обязанностей которых указаны в законе.

92.- Для обсуждения всех дел, касающихся граждан станицы или волости, собирается станичный сбор или волостной сход. Правила выборов членов сбора и схода определяются особыми законами.

93.- Круг обязанностей и права станичных и хуторских атаманов, волостных старшин и сельских старост указаны особыми законами.

Раздел XI. - Глава XVII.

Об особо выделенных в смысле управления частях Войска.

94.- Города: Новочеркасск, Ростов на Дону, Таганрог, Нахичевань на Дону, Дмитриевск, Александровск-Грушевск и посад Азов управляются на особом положении городскими думами, имеющими во главе Городского Голову, и как исполнительный орган, Городскую Управу. В городах Ростове на Дону и Таганроге, кроме того, Донским Атаманом назначаются особые градоначальники.

95.- Основные Законы могут быть отменены и дополнены при условии принятия законопроектов в двух смежных сессиях Войскового Круга.

Раздел IV. - Глава VIII.

О вере.

43.- Первенствующая в Войске Донском есть вера христианская, православная.

44.- Все, не принадлежащие к православной вере граждане Войска Донского, а также все, проживающие в пределах Войска, пользуются каждый повсеместно свободным отправлением их веры и Богослужения по обычаям оной.

Председатель Большого Войскового Круга: В.Харламов.

Секретарь Круга: Ф.Крюков.

15 сентября 1918 года.

ОТ РЕДАКЦИИ.

1) При печатании Основных Законов В.В.Д. по недосмотру была пропущена Глава VIII-я Раздела IV-го и мы вынуждены были поместить ее в конце. Просим читателей извинить нашу ошибку.

2) Просьба ко всем Казакам, в распоряжении которых находятся Кубанская Конституция и Законы, установленные Войсковыми Кругами других Казачьих Войск-Республик, прислать в редакцию хотя-бы копии с этих исторических документов, знакомство с которыми необходимо всем Казакам.

ДОНСКОЙ ВОЙСКОВОЙ ГИМН.

Всколыхнулся, взволновался
Православный Тихий Дон
И послушно отозвался
На призыв Свободы он.
Зеленеет степь родная,
Золотятся волны нив,
И, с простора долетая,
Вольный слышится призыв.

Дон детей своих слышит
В Круг Державный Войсковой,
Атамана выбирает
Всенародною душой.
В боевое грозно время
В память дедов и отцов -
Вновь свободно стало племя
Возродившихся Донцов.

Славься, Дон, и в наши годы,
В память вольной старини!
В час невзгоды - честь Свободы
Отстоят твои сны!

Текст, одобренный Войсковым Кругом 20 сентября 1918 года.

ДРЕВНЯЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОСТИ.

(Необходимые пояснения).

Неоднократно нам приходилось встречать перемены Казачьего слова "Войско" на иностранные языки, как "армия", что далеко не соответствует ни настоящему понятию слова, ни тем более действительному его значению.

Русский язык, нахватавший бесчисленное множество всевозможных "варваризмов", т.е. чужих, иностранных слов, зачастую использовал их применительно к понятию и требованиям Великорусского народа, или граждан древней Московии (Московского княжества, потом - Московского царства и, наконец, Российской империи). При ассимиляции в среде Великоруссов, иностранные слова или видоизменялись местным произношением или теряли свое первоначальное понятие и значение.

Возьмем, например, слова "город" и "град". По своему понятию и значению оба эти слова совершенно аналогичны, но происхождение их различное. Слово "город" некоторыми иностранными филологами считается собственно-Великорусским, а слово "град" - славянским, что подтверждается церковно-славянской письменностью. Но сходные слова существуют и в иностранных языках: во французском языке есть слово "горд" (произносится "гор"), означающее барьер из свай поперек реки для ловли рыбы; в латинском языке слова "градус" и "градацио" означают прогрессивное расширение, возведение в более высокую степень, что может легко объяснить возвышение в степень "града" обыкновенного поселка. Если понятия слов и различны меж собой, то значение их весьма сходно.

Нужно ометить, что многие иностранные историки считают (и не без оснований!), что Великорусы произошли от Прусов (Вор-русов, По-русов), смешавшихся в лесах Древлянии с финско-монгольскими племенами и народностями. Как на примеры Великорусского языка иностранные филологи указывают на слова: Нов-город, Иван-город, Нижний Нов-город и др.

По нашему скромному мнению, этот вопрос довольно-таки спорный: почему тогда "Господин Великий Нов-город" и Псков управлялись совершенно необычным для Великоруссов порядком народоправства: лече, выборные должностные лица, вплоть до посадников и князей, избираемых на срок, да еще с риском быть свергнутыми до истечения срока их полномочий? Почему ни в одном Великорусском княжестве Московского царства мы не находим упоминаний о подобном народоправстве, как не находим мы этого и в, так называемой, Киевской Руси? И только Казаки (Донские и Запорожские) имели с незапамятных времен такое-же народоправство, как

в Великом Нов-городе, да еще и государственные титулы их были аналогичны: Великое Войско Донское, Великое Войско Запорожское и т.п.

Кроме того, у Казаков в древности существовало название "городок", но не "градок". После же разгрома Новгорода и Пскова Московскими великими князьями (пскоры после этого провозгласившие себя "царями"), остатки Новгородцев и Псковичей иммигрировали не куда-либо на запад или север (более близкие к ним), но именно - на юг, на Дон - к Казакам. Не было ли какой-либо древней родственной связи между Казаками и Новгородцами, еще до появления на свет Божий захудалого удельного Суздальского княжества, впоследствии перенесшего свой "стольный град" в Москву?.. Ведь предки Казаков - "Бродники" проникли даже и в нынешние Швейцарию и Францию; может быть и Новгородцы были ветвью "Бродников"?..

Принимая все это во внимание, мы склонны думать, что слово "град" является более Великорусским, чем слово "город", тем более, что и Константинополь Московиты (главным образом) называли "Царь-град", а потом и Петербург переименовали в "Петро-град" (впоследствии - "Ленинград") и даже бывший Царицын из "Сталин-града" волею судеб ныне стал "Волго-градом".

Странным, конечно, кажется то, что древне-славянское слово "град" не привилось ни у Казаков, ни у Новгородцев (Нижний Нов-город был основан землепроходцами-ушкуйниками из Великого Нов-города).

Но не нужно забывать, что Донские Казаки еще в первой половине прошлого столетия между собой говорили в большинстве случаев "по татарски", т.е. по черкесски или по черкасски. Даже письменность у них была на двух языках: на древне-славянском и "татарском" (черкасском), что подтверждается грамотами в Донских Делах и свидетельскими показаниями путешественников, посетивших Донских Казаков в разные времена.

Слово "городок" у Казаков встречается только в отписках в Москву, но сами они свои местечки называли "станциями" и это Казачье слово осталось, в конце концов, в обиходе и до наших дней.

Если слова "город" и "град", а также и "городок", не потеряли истинного своего значения и понятия, то совершенно противоположное произошло с древним термином "Войско".

Великорусские филологи, ничтоже сумяшеся, приспособили этому слову значение крупного военного отряда, а во множественном числе "войска" стали в их понятии "армиями", т.е. наибольшими по численности военными соединениями.

Но не таково было первобытное понятие и значение этого слова!

Вкратце это древнее значение определяется не менее древней поговоркой: "сколь воев - столь народу". А слово "Войско" является составлением двух слов: "Вой-сколь" или "воев сколь". Слово "вой" является первобытным словом, производимым ныне "воин". Слово "война" в слову очередь - составное слово и производное от слов: "вой на вой", т.е. воин на война.

В те отдаленные от нас времена, разумеется, не существовало нынешних статистиков, да и никто и не помышлял о народной переписи, т.е. о подсчете своих граждан или подданных. Для общей защиты от врагов родственные племена соединялись в народность, которая со временем расширялась не только по родственно-племенным причинам, но и по речи и по однообразным условиям жизни - в народ. Численность народа исчислялась не просто наличным количеством людей обоюбого пола, но количеством воев, т.е. воинов, способных защищать свое добро и свои жилища от врагов.

Ясно, что тогда не было также и современной воинской повинности, при которой для военной службы отбираются только, так называемые, "годные к строевой службе". Наоборот: в те времена воим считался всякий, способный носить то или иное оружие, без различия пола и возраста.

Таким образом значение слова "Войско" для наших предков было в понятии "народ" ("вой сколь - столь народу").

Такое понятие и сохранилось, по крайней мере, у самих Казаков

и перевод этого древнего термина на современный язык должно быть не "армия", а "народ", как например: Войско Донское - Народ Донской, Кубанское Войско - Кубанский Народ и т.п.

Государственные титулы "великих" свойственны не только "Господину Великому Нов-городу" или "Всеволому Войску Донскому", но и другим державам на земном шаре. Нередко, например, встречаются в иностранной печати и теперь подобные титулы государственного достоинства: "великая республика США", "великая Французская республика" и т.п.

Безусловно, и Московские цари в свое время восприняли весьма легко титулы величия, так сказать, - "наследственным" путем: сначала было великое княжество Московское, а после присоединения Украины Московские цари заговорили о "трех Русях": Великия, Малья и Белья Руси. Ясно, что не более слабые могли называться "великими", а наиболее могущественные; отсюда и постепенное исчезновение прежнего названия - "Московитян", "Московитов", "Москалей" и т.п. и появление "Великорусов", а со временем и это определение начало стираться в обиходной речи и заменилось просто словом "Русский" или "Русак".

Интересно отметить, что только сравнительно недавно один из русско-советских ученых - доктор исторических наук профессор А.В.Чернов - наконец сделал правильный подход к переводу слова "Войско" на современный язык, как "Народ" (Проф. А.В.Чернов, "Вооруженные силы русского государства в 15 - 17 веках", издание Военного издательства Министерства Обороны СССР. Москва, 1954 г.).

Основываясь на этом труде русского ученого историка, станичник Н.Долгов делает совершенно правильные выводы в № 14 "Казачьего Исторического Сборника".

Но мы должны заметить, что слово "Народ" в наше время уже потеряло прежнюю популярность в дипломатии и политике. Теперь больше принято называть страну по общепринятому географическому, историческому или этническому названию, а в особых случаях, при торжественном упоминании данной страны, принято добавлять государственные титулы по роду управления этой страны, как например: Королевство Великобритания, Французская Республика, Федеративная Германская Республика и т.п.

Казакам следует, принимая во внимание все вышесказанное, при переводе своих Казачьих терминов на иностранные языки, руководствоваться современным понятием тех или иных архаизмов и говорить об отдельных Казачьих Войсках, как о Республиках данного Народа (Республика Донских Казаков, Кубанских и т.д.). А в сборно-державном смысле говорить о Федеративной Казачьей Республике.

Не лишним будет отметить о современном псевдоразвитии Русского (не только "советского", но и "зарубежного") языка.

С легкой руки каких-то советских "нео-филологов" появилось в печати, а потом и в разговорной речи, странное выражение: "развязать войну".

В простом переводе слово "война" означает "ДРАКУ" между народами или государствами. Но по русски не существует выражения "развязались драться", но "связались драться" или "связались драться". Подобное выражение означает НАЧАЛО действий (в данном случае - военных), но ни в коем случае не КОНЕЦ, как это делают "нео-филологи" и на лоне советской империи и на лоне русской иммиграции - за рубежом.

"Развязаться с дракой" или "развязаться с войной" можно только в конце действия, тогда это будет совершенно логично, т.е. фраза будет соответствовать и своему назначению и тем более понятию. Тогда как говорящие, что та или иная страна "хочет развязать войну" - стараются доказать теорему ab absurdo, т.е., что данная страна еще не начал войны, уже хочет ее окончить!..

По французски это называется: "Mettre la charrue devant les boeufs" (прячь плуг впереди быков)!..

Так что и коверканье настоящих значений и понятий Казачьих

слов в Русском словаре становится вполне понятным: погоня за модными выражениями, хотя-бы и далеко не остроумными!..

П.Ф.Крыков.

КАЗАЧЬИ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ.

ПЕСНИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ.

1.

На усть было Дону Тихого,
Там построена была редуточка,
Редуточка новая,
Новая, дерновая,
Дерновая, трехугольная,
Трехугольная, пятистенная.
Не было в той редуточке
Ни сотничка, ни полковничка,
А были одни лишь уряднички.

2.

Не туман с моря поднялся,
Не осенние дожди льют -
Отряд казачий в поле собрался,
Походу себе дождал.
Небольшой был наш отрядец -
Всего тища человек.
Командир был наш отрядный
Власов славный генерал.
Он полковничка Сичева
Взял за ручку подержал,
Нам слово ласково сказал:
"Вы здоровы-ль, мои дети,
Дети храбрые Донцы!
Послужите Дону верно,
Как деды ваши, отцы!.."

3.

Черный ворон, черный ворон,
Что ты звёшься надо мной,
Ты добичи не дождешься -
Я - казак еще живой.
Полети-ка, черный ворон,
К нам на Тихий славный Дон,
Ты снеси-ка, черный ворон,
Отцу с матерью поклон,
Отцу с матерью поклон
И жёнке молодой.
Ты скажи ей, черный ворон,
Что женился на другой,
Что женился на другой -
На пулечке свинцовой,
Остра шашка была свашка,
Штык булатный был дружок,
А венчался я на поле
Под ракитовым кустом,

А картечь нас перенчала,
Тучка шакала над ним.

4.

Мы в Варшавушке служили,
Ни о чем мы не тужили,
В Бессарабию пришли -
Все забавушки нашли.
По квартирам становились,
В нас хозяйюшки влюбились.
Хотя хатушки курные -
Хозяюшки чепурные,
Чепурные, всё добрые,
Еще ласковые.
Раздушечки-хохлушечки,
Проклятые куркули
Своим жёнам заказали,
Чтоб с Донцами не гуляли,
Дочерей своих скривали -
По чуланам запирали,
Детки плакали, рыдали,
Что Донцов давно видали.
А что-ж это за Донцы,
Что за хвати-молодцы?
Уж и где Донцы родились,
По какой воле росли?..
На Дону Донцы родились,
По своей воле росли,
Лицом смуглы, брови чёрны,
На поступочках проворны.
Он кивнёт, моргнёт бровями:
"Ступай, баришня, за нами,
Ступай, баришня, за нами -
За Донскими казаками!
Мы покажем наши обряды,
Свои каменные палаты,
Свои каменные палаты,
Командиры наши хвати!"

5.

Под ракивою зелёной
Казак раненный лежал,
Кинжалом в груди пронзённый,
Крест свой медный прижимал.
Вдруг раздался-клич военный -
Снова грянул жаркий бой
И к раките прислонившись
Услыхал его герой.
Услыхал и приподнялся,
Как мертвец среди могил,
Услыхал, за шашку взялся,
Но лишён был прежних сил.

6.

Жизнь казачая, братцы, - плохая,
Только слава про нас хороша!

А кто не был, братцы, за Дунаем,
 Тот не знает про него,
 А мы были, братцы, там служили
 И расскажем теперь про него.
 Дунай - речушка широка,
 Переправы на ней нет,
 Нет ни лодки, ни парома,
 Ни казённого моста.
 Мы на это не взирали -
 За собой полки вези.
 Генерал-то наш Самсонов
 Он по фронту проежжал,
 Он по фронту проежжал,
 Слово ласково сказал:
 "Вы здорово-ль, мои дети,
 Дети славные Донцы!
 Расскажите, мои дети,
 Про походы про свои!"
 Мы походом проходили
 По Австрийской стороне,
 Там мы брали город Краков,
 Битва жаркая была.

7.

Погиб аул и с ним два брата,
 Погибла дева и друзья,
 Мой лук тугой, с ним конь крылатый...
 Один, один остался я!
 Где шашка острая моя,
 Она Дамасского булата,
 Насечка чудная из злата,
 Клинок - чистейшая волна?
 Она в боях не притушилась:
 Железо, сталь - всё пополам!
 Теперь кому она досталась?
 Досталась храбрым казакам.
 Где панцирь мой? Казак отнял,
 Мой панцирь стали поронёной.
 Я думал - он загорённый:
 Ничей булат его не брал.
 Не раз, не два в боях случалось -
 Атаковал меня Донец:
 Колот копьём - копье ломалось,
 Стрелял - отскакивал свинец.

ПЕСНИ ДОНСКИХ КАЗАЧЕК.

1.

Ой, да светёт, светёт свет-калинушка
 В зелёном саду,
 Да не тонкая, да не ломкая,
 Листом широка.
 Да нельзя, нельзя свет-калинушку
 Не спелую рвать,
 Да не спелую, всё не зрелую,

Не наливаю,
 Да нельзя, нельзя всё дочёночку
 Не сватану брать,
 Да не сватану, всё не венчану,
 Не заручену.
 С одного крыльца гедут молодца
 С красавицей,
 А другой стоит, да всё сердцем болит
 За красавицей:
 "Ой, пропали мои мятны пряники,
 Что я ей носил,
 Да пропали мои тёмны ноченьки,
 Что я к ней ходил!"

2.

Ой, да ты подуй, подуй,
 Ветер низовый,
 Ой, да ты надуй, надуй
 Тучу грозную,
 Тучу грозную - не порожнюю
 С частым дождичком.
 Ты ударь, громок, на мой зелён сад,
 В зелёном саду стоит яблонька,
 Стоит яблонька - суха маковка,
 Зелёные веточки вниз опустились,
 Красные яблочки грозь раскатились.
 Ой, катись, катись, яблочко,
 Куда тебе котится.
 Выдай меня, мамонька,
 За кого мне хочется.
 Ой, да ни за старого, ни за малого,-
 За казаченьку разудалого.
 Мне за старым жить - сухота моя,
 За казаченьком жить - красота моя.

3.

Ой, да кругом, кругом осиротела,
 Кругом осталась сиротой,
 Мне с милым счастье улетело
 И не воротится назад.
 Вернись, вернись, мой ненаглядный,
 Вернись ты к любушке своей.
 Когда свет-роза рассветает,
 То всяк старается сорвать,
 Когда-же розочка завянет,
 То всяк старается стоптать.
 Когда бабёнка молодая,
 То всяк старается её любить,
 Ну только бабочка завянет,
 Как всяк старается её забить.

4.

Ой, да ты, сад-ли мой сад,
 Сад - зелёный виноград!
 Что не ясно сад светешь -
 Осмпаешься?

Сколь далече, милый мой,
Собираешься?
Ты со всеми со людьми,
Мил, прощаешься,
Лишь со мною с молодой
Ты ругаешься.
Не ругайся, не бранись,
Скорей с милою простись.
Прости, милый, прошу я...
"Ой, прощай, милая моя!"

5.

Сидела, сидела я-млада
Поздно с вечера,
Ой, да все то думушки я
Передумала,
Все советушки я-млада
Пересоветала,
На слово-то дружка
Я-млада распрогневала:
Назвала его горькой пьяницей,
Горькой пьяницей, всё каплюжничком,
Каплюжничком, волочужничком.
Пропил, проел дедово именице,
Бабушкины поставчики,
Поставчики, сарафанчики.

6.

Не вечерняя то звездочка
Высоко в небе взошла -
Бабёночка молодая
Поздно по воду пошла.
Казак бравый догадался,
За чумбур коня он брал,
За чумбур коня он брал,
Повёл коня напоить,
С бабёночкой поговорить:
"Бабёночка-жалмерочка,
Дозволь в гостишки притить."
"Приди, приди, мой размилий:
Завсегда дома одна,
Завсегда дома одна -
Дожидаюсь я тебя,
Дожидаюсь я тебя,-
Муж на службе у меня.
Муж со службы придёт,
Сволочайкой назовёт:
"Сволочайка, сволочайка,
Не таскайся по ночам!"

7.

По станице злые люди гутарят,
Злые люди разгутаривают,
Гутарят, что я хорошую люблю,
Расхорошую-хорошенькую,
Чернобрую, пригоженькую.

Мне понравилась соседка моя,
Соседка баба слажененькая.
Мне понравилась походушка твоя,
Походушка мелко-частенькая,
Разговорн-речь хорошие слова.

КАК АЧИЙ ЗМОР.

"Смех не грех - деселись пока
десело!"

"ДРАЖЕНЬЯ" СТАНИЦ.

Какись в Котовской станице Хоперского округа на Тихом Дону станишники умудрились семь лет с хомутиной лоевать. Память-то на старости лет стала у меня не ахтительная: могёт быть и не Котовская станица, ну, да это нехай сами Хопёрцы поправляют!

Давнишнее это было дело: одно сказать - при царе Митрохе, когда народу было трохи.

Котовской станицы чабаны стерегли овец возле одной балки и от туда прибегли в станицу, аж побелели от перепугу.

- "В балке лежит здоровенный змей: голова ра во! - какая!" - расставляя руки, рассказывали они.

Вся честная станица переполошилась:
- "Ить такая гада могёт всех овец у нас передушить!"

- "Да с такой головойра ему хорошим бараном только-только по поддневать хватит!"

На станишном сборе порешили прикончить невиданного змея:
- "Штобы на нашем юрту такой пакости не водилось!" -

Забрав все свое оружие, всей станицей подошли к балке и с бугра стали высматривать: действительно! лежит какое-то жидотное с огромной головой и длинным туловищем в густой и высокой степной траве, а разобрать из-за трави - нет возможности: что и как?

Порешили открыть огонь из мелкого ружья: может и этого хватит? Куда там! Чудовище ни на какого калибра пули внимания даже не обратило! Тогда Котовцы выдвинули на позицию свои батареи и началась война!

Долго-ли, коротко-ли лоевали Котовцы со змеем, но только боевые припасы оказались на исходе. Послали несколько подвоя в соседнюю Тепикинскую станицу: позичить боевых припасов.

Тепикинцы, знавшие как и все ближайшие станицы, что Котовцы ведут смертный бой с чудовищным змеем, поинтересовались узнать о событиях на станишном фронте Котовской станицы:

- "Ну, как дела-то у нас со змеем? Убили ай нет?.." -
- "Иде там "убили"!.. С мелкого ружья бьем, а ему хучь би што! А с пушки вдарим, а он подпрыгнет, да на месте!.. Ведь вот какая настырная гада!.."

Нагрузив подвои припасами, Котовцы собирались уже распрощаться с Тепикинцами, когда прибежал какой-то мальчёнок и закричал:

- "Дяденьки! Какая-то чудила на станицу прёт!.." -
- "И не приведи Бог, кабы это не змей с Котовского юрта к нам не припёрся!" - переполошились Тепикинцы и всей станицей выбежали за гумна поглядеть: что это такое? Котовцы побросали свои подвои и себe туда-же.

Глядят все: какое-то здоровенное чудовище боком-скоком в туче пыли подвигается прямо к станице.

Подслепопатый начётчик посмотрел и поднял руки к небу:
- "Это, брати, диковинная птица - Гоголя-Гугуля, што перед кон-

цом света должна на землю притить и людей пожирать!"

Вся честная станица Тепикинская рухнула на колени и, кланяясь в землю, загопила истошным голосом, как один человек:

- "Гоголя-Гугуля!.. Свирни с Тепикина на Левикина!.." -

А Левикин был ближайший от станицы хутор.

Невиданный зверь приостановился, а некоторое время спустя к нему подошел из степи маленького роста узкоглазый и с широкими скулами человек, покопошился у ног чудовища, потом вскарабкался на него и поехал себе обратно в степь.

В это время в станицу вернулся из поездки станичный атаман Тепикинской станицы и, узнав в чем было дело, растолковал всем:

- "В степи зарас наши базовые калмаки кочуют, а чтобы ихние верблюды далеко от стана не уходили, они их, как коней, путают."

Пристиженные Тепикинцы разошлись по куреням, а Котовцы во всю прыть помчались в свою станицу и по приезде рассказали, что видели в Тепикинской.

Вся станица Котовская порешила разведку сделать насчет змея:

- "А то как бы греха не вышло, как у Тепикинцев. А тада страмоты не оберешься по всему Великому Войску Донскому: станицу продражнить!"

Вышли опять Котовцы на бугор над балкой и стали послать друг дружку на разведку:

- "Иди ты, односум, на разведку!" -

- "Хо! Какой ты ласный!.. Да иди сам туды!" -

Кончилось дело тем, что станичный атаман приказал криком:

- "Бездетные наперед!.." -

Атаманского приказа никто не посмел ослушаться и бездетные, поживаясь и мысленно проклиная своих баб, что им детей не привели, вышли наперед и осторожно стали подвигаться ближе к страшному змею. Все ближе и ближе подвигались они и наконец один храбрец поднялся и прямо подошел к змею и ковырнул его ногой, к ужасу всей станицы.

Поворнувшись потом лицом к своим станишникам, казак снял с головы папаху и грянул ею об землю:

- "Страмота, брати-станишники!... И откуда она взялась, чума её удуши, с хомутиною?.." -

В траве лежал весь избитый цулями и ядрами хомут с длинной шлеймой!..

Из-за этой хомутины пропала беспорочность двух станиц: Котовской и Тепикинской!..

ОТ РЕДАКЦИИ.

Редакция "Казачьего Литературного Сборника" просит Казаков и Казачек всех Казачьих Войск присылать в редакцию записанные песни (служивские, бабы, свадебные и др.), дражнения станиц, смешные истории из казачьей жизни (на службе и в станицах), поговорки, пословицы из казачьего быта и пр.

В форме изложения просим не стесняться: всё будет приведено в надлежащий вид редакцией.

Об одном только просим всех, присылающих материалы в редакцию: писать чётко и разборчиво только на одной стороне листа.

Материалы направлять только по адресу редакции:

M-r F.Krukoff, à Mélagues par Brusque (Aveyron), FRANCE.

Выписывать Сборник и высылать подписную плату только по адресу:

M-r D.Bratchikoff, 18, rue Wurtz, Paris 13-e, FRANCE.